

КОЛОКОЛЧИКИ МОИ

Елена КУЗЬМИНА

Коло

Колыч
ки мои

HAPPY END
ПРИ КОНЦЕ СВЕТА

Елена Николаевна Кузьмина

Колокольчики мои. Harry end при конце света (сборник)

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24052040

Колокольчики мои. Harry end при конце света: Издательский дом

«Сказочная дорога»; М.; 2014

ISBN 978-5-4329-0062-3

Аннотация

В книгу вошли повесть «Колокольчики мои» и сказка «Король без имени».

До мировой войны на пустынных землях были созданы уникальные сооружения – Колонии, защищенные от опасного наружного мира своеобразным Щитом («Колокольчики мои»). Обитатели их переживают последствия войны и готовятся к переселению на другие планеты. Создателями Колоний всё просчитано и решено: кому жить, кому умирать, на каком языке говорить, даже встреча и расставание двух молодых людей входит в их планы. Но, как всегда, человек только предполагает...

А что должен предпринять король, если ему предсказано, что долгожданный первенец разорит его и принесёт горе своему народу? («Король без имени»). И что делать королеве соседнего королевства, с юных лет поднимавшей его из нищеты, если враг

– этот первенец короля-соседа, выросший и возмужавший, –
появился у ее порога и всем подданным её грозит вечный сон?..

Содержание

Колокольчики мои	6
Часть первая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Елена Кузьмина

Колокольчики мои. Гарри end при конце света

© Кузьмина Е.Н., 2014

© Антипина М.В., дизайн обложки, 2014

© Издательский дом «Сказочная дорога», оформление,
2014

* * *

*Моим родителям, родителям дорогих моих
подруг и всем семейным парам, делившим радости
и горести жизни земной с верой в жизнь вечную и
вечную любовь.*

Колокольчики мои Нарру end при конце света

Люби меня, как я тебя...

*И я верю, горячо верю: где-то там он ждёт меня
– с той же любовью и молодостью, как в тот вечер.
«Ты поживи, порадуйся на свете, потом приходи ко
мне...» Я пожила, порадовалась, теперь уж скоро
приду.*

И. Бунин. «Холодная осень»

Несколько последних месяцев снег то валил сутками – не проехать, не пройти, то начинал таять – под ногами с неделю хлюпало, затем в одну из ночей схватывался накрепко ледяным настом. Пару дней морозило, и вновь на несчастную землю обрушивались снегопады. И так без конца: снегопад, оттепель, заморозок, снегопад...

В небо и смотреть не хотелось! Безрадостное совсем было небо! Но если кто, упрямый, всё же к нему приглядывался, то с робкой надеждой замечал, что слой туч временами становился светлее и местами прозрачнее, и в этих проталинках нет-нет да и угадывалось солнце.

Вот и долговязый мужчина в очёчках, придерживая рукой сползающий капюшон чёрной куртки – весело скалились на ней черепа, запрокинув седеющую длинноволосую голову, уставился в небо. Стоял он на самом краю высокого угора. Джип за его спиной, грязно-зелёный, помятый сзади и с боков, перегородил узкую скользкую дорогу. Нисколько этим не обеспокоясь, мужчина, похожий на внезапно постаревшего подростка, пристально разглядывал низкие тучи над головой, зажав в замёрзших губах самодельную папироску.

– Огонька закурить не найдётся?

Мужчина от неожиданности вздрогнул, обернулся.

Высокая крепкая старуха, замотанная поверх пальто в какие-то немислимые белые рваные шали, платки, тряпки, перетянутая в поясе верёвкой, довольно улыбалась. Надо же, подошла – и не заметил!

– Тьфу ты, баба Марфа!.. Маскировочна у тебя! Ещё спроси, как пройти в библиотеку?!

– Превед, медвед! – Марфа воткнула в снег лыжную палку, которая служила ей посошком. – Библиотеки нет, а так бы спросила. Пугливый ты больно, Мишань, – старуха откинула верхнюю шалёнку. – Всё, сил нету, еле дошла. Лёд под

снегом. Скользко.

– Не разбила? – мужчина потянулся к бабкиной кошёлке, но тут же получил по рукам.

– Разбила... Скажешь тоже! Дай отдышусь...

– Ну дыши, если найдёшь чем, – Миша затынулся.

Марфа с завистью посмотрела на него, попросила, заискивающе заглядывая в глаза:

– Ты мне табачку отсыпь, лады? На одну самокруточку...

Мужчина засмеялся, достал из кармана пакетик, аккуратно завёрнутый в полиэтилен:

– Держи! Можешь пыхнуть – для тебя приготовлено.

Морщинистое лицо старухи засияло, она быстро засунула пакетик за пазуху, открыла сумку:

– Всё здесь. Две бутылки, как договаривались. Одна – ему! А вторую, смотри, сам того, этого... Ни-ни!

– Ты что, баб Марф? Знаешь ведь, мне на обмен. Там, на аэродроме, – Миша мотнул головой, счастливо заулыбался, – компик подзарядить дадут, вечерочка на два. Уж и не помню, когда «гасился».

– Ну-ну, геймер ты наш неугомонный... И годы тебя не берут. Не наигрался ещё. Один такой поиграл, – сам знаешь, что случилось.

– Не, бабуль, это ж хакер, а я хакером никогда не был. Мне бы поиграть только...

– Вот беда! Что с тобой делать? Не мне тебя учить. Но смотри, что для него приготовлено, не тронь! Пусть лучше

в запас.

– А вот и нет запаса-то, Марфа Петровна! Дождалась!

Марфа охнула, руки затряслись так, что Мишаня испуганно ухватился за кошёлку.

– Неужто приходил?

– Приходил в баревич пару часов назад. Не тот, что в прошлый раз, а пепс такой мордатый. Сел в уголке. Народу сейчас, сама понимаешь, не густо: меню не айс... А как стемнеет, так и вовсе никого... Эх! Так что пепс баклана нашего, Никитку-сторожа, высмотрел быстро. Вот Никитка, кстати, с месяц из бара не вылезает, в долг у меня ест. Мордатый с ним пошептался, тот на кладбище и дёрнул. Через полчаса вернулся. Я его у входа подкараулил, ту бутылку для мордатого передал. Мол, подарочек... Сам не светился.

– Всё правильно. За Никитку я с тобой рассчитаюсь. Покури его ещё. Человек он проверенный, запивает разве иногда. Бутылку-то не прикарманил?

– Не, всё чики-пуки, бутылку у пепса. Я проследил.

– А ты не видал, Никитке этот баклан, то есть пепс, ничего не передал?

– Не видал, Марфа Петровна. Но с чего бы Никитке бежать туда, если не передал?

– Тогда я пошла, Мишань, храни тебя Господь! Если бы не ты...

– Да ладно, что я, не понимаю, – довольный Миша бережно принял пакет, поставил на сиденье, придавил подушкой. –

Ну, ты, ты, баба Марфа... Даже не знаю, как сказать, ну просто космос! Спасительница моя! Из ничего делаешь! Отец-то Георгий как? Знает?

Марфа вздохнула, завязала шаль:

– Что ты! Партизаню, Мишань. В землянке у меня производство. Народ окружает понимающий, покрывает, а вот зя-тёк, не приведи Господь, унюхает... Да, вот ещё что, бензин-чику бы в следующий раз... на обмен, конечно. Или ещё ка-кого топлива. Наша «газелька», сборная солянка, жрёт всё.

– А на фига вам старьё такое доисторическое? Я для тебя, Марфа Петровна, если хочешь, машинку поновее подберу. Вон их сколько без надобности валяется – бери не хочу! За-правлять всё равно нечем. – Миша сел в машину.

– Ладно, Мишань, буду иметь в виду. Только наша «Га-зель» только с виду «Газель», а внутри – боинг... Отец Ге-оргий от неё не откажется ни в жись.

– А ты бы ещё настойки свои принесла фирменные, на корешках которые... Я в прошлый раз ими самого главного техника аэродрома на ноги поставил. Он и топливо, кстати, может достать, – Миша завёл мотор, высунулся из машины. – А библиотека-то работает. Мать Серафиму, подругу, если не ошибаюсь, твою, не забыла? Вот она её и открыла снова.

– Ольга-то откуда здесь? – изумилась Марфа, по-детски приоткрыв редкозубый рот.

– Так в монастырь её в самом начале Второго этапа войны ракета попала, говорят. Мать Серафима да несколько мона-

хинь спаслись, в Центре жили на подворье. Они уже с неделю здесь. Библиотеку городскую Серафима самовольно открыла. Возле интерната которая. Ну и ребят, кто ещё там остался, пасёт со своими сёстрами.

– Ясно, – буркнула Марфа, – библиотекаря как-никак бывшая. Не миновать мне её, значит.

Ледяную тропинку, по которой Марфа спускалась с угора, занесло снегом.

– Грохнусь, не соберут. Буду валяться, пока зятёк не спохватится, – бормотала она под нос, осторожно нащупывая дорогу палкой. – А ведь мог уж спохватиться: куда делась? Нет, до конца службы ещё долго...

Она знала, что, когда зятёк служит, ничего, кроме службы, не видит и не слышит.

Лишь потом спросит: где, мол, Марфа?

– Федька меня не видел – значит не донесёт. Лады. Лады. Чики-пуки, чики-пуки... – На полдороге вниз остановилась, всмотрелась в даль. Там, казалось, от самой земли клубились тёмно-серые тучи. Они заслоняли почти весь горизонт, сливаясь с таким же тёмным небом.

Марфа слышала, что будто бы в недрах туч иногда посверкивают молнии, а иногда на мгновение обозначаются за тучами ряды гигантских пирамид с усечёнными верхушками.

Марфа прищурилась, сморщившись, пытаясь разглядеть в тучах эти пирамиды, но ничего не углядела. Не выдержала, погрозила кулаком в ту сторону, прибавила крепкое слов-

цо. Опасливо оглянулась, словно боялась увидеть за спиной грозную фигуру отца Георгия. «А иначе и не скажешь», – объяснила она ивовым кустам и поковыляла дальше.

Сделав несколько шагов, остановилась.

«Грубая, грубая я! Прав он, – вздохнула, подумав о зяте. – И Лизок там опять же... А я кулаком...»

Стащила рукавицу, перекрестилась, осенила крестом дальние тучи. Постояла, опираясь на палку, щуря слезящиеся от ветра глаза, прошептала молитвы.

Тропинка привела её к кладбищенскому забору, как раз к тому месту, где несколько штакетов были выломаны. Протиснувшись в дыру, Марфа только известными ей тропками, петляющими меж оград, устремилась к белевшей за чёрными соснами часовне.

– Христос воскресе! – кланялась старуха по сторонам, хотя до Пасхи было ещё ох как далеко. – Христос воскресе, православные!

Отодвинув шалёнку, приоткрыв ухо, прислушалась, как шумят верхушки сосен, стучат о кресты жестяные веночки.

– Воистину воскресе! – перевела она этот шум. – Воистину воскресе!

На дверях часовни висел огромный замок. Марфа уверенно потянула за него, замок легко поддался и открылся.

В часовне горела одна лампадка перед большой иконой без оклада.

– Святая преподобномученица Елизавета, моли Бога о

нас, грешных, – зашептала Марфа, припав к иконе. Затем, просунув руку за икону, нашарила в углублении в стене маленький футлярчик губной помады. – Есть! Есть! Слава Тебе, Господи! Прости нас, грешных!

Выйдя из часовни, замешкалась, посмотрела за ограду, на окна интернатского здания. Вздохнув, зашагала в ту сторону. Обогнув интернат, Марфа, утопая в снегу, пересекла футбольное поле, поднялась на крыльцо когда-то сиявшего окнами здания. Теперь, начиная со второго этажа, стёкол в окнах не было вовсе. На первом этаже в оконных проёмах чернели набитые чем-то мешки для мусора.

– «Библиотека работает», – прочитала Марфа корявую надпись на дверях. Открыла дверь, прошла по тёмному коридорчику, наткнулась на скамейку, уронив сложенные на ней стопкой книги.

– Кто там?

Худенькая женщина в чёрном – платок до бровей – сидела за столиком. Большая свеча, закреплённая в стакане, освещала строгое, всё ещё красивое лицо.

Марфа всматривалась из темноты в сидящую.

– Кто-кто, дед Пихто! – пробурчала и вышла на свет.

– Марфа? – монахиня прищурилась, встала из-за стола. –

Ты здесь откуда?

– Ответить как полагается али как?

Монахиня вздохнула, поправила платок:

– Да как хочешь, так и отвечай. Не меняешься ты, надо

же...

– Не умнею, то есть, хочешь сказать?

Марфа села напротив, по-мужицки расставив ноги то ли в валенках, то ли в пимах облезлых – не понять и в чем, – размотала шалёнки.

– Не раскрывайся, холодно здесь. «Буржуйку» сейчас за-топлю.

– Где делают?

– Да есть умельцы.

– Топите чем? – Марфа оглядела пустые полки, коробки с книгами и журналами.

– Не книгами, не бойся. Всё, что осталось, – сбережём.

– Маловато книжечек-то. Хотя здесь и до Первого этапа не библиотека, а, скорее, клуб по интересам был. Сплошные инновации. Книги как в подвальчик снесли, так и с концами. Не выпросить было. Только и приговаривали: «Ой, Марфа Петровна, нас всего трое на все этажи! Кто в хранилище пойдёт вам книгу искать? Читайте с экрана, шрифт регулируйте! У нас автоматизация, компьютеризация и прочая «зация». Я эту «зацию» в монастырь, что ли, поволоку? У нас там свет сначала за долги отключали постоянно, налог-то, сама знаешь, какой был, а потом и вовсе электричества не стало...

Мать Серафима улыбнулась уголками губ:

– Спаси Господи! Зашла...

– Зашла, как видишь... – Марфа оглядывалась по сторонам. – Сколько мы с тобой не виделись?

– Давно. Наверное, Лизавете твоей лет десять было.

Марфа, услышав про Лизку, насупилась, слёзы так и потекли.

– Ой, случилось что? – мать Серафима придвинулась к Марфе, испуганно заглядывая в глаза.

– Там она, Лизка, – Марфа кивнула куда-то в сторону, – в Колониях этих вавилонских.

Монахиня ахнула.

– Долго рассказывать, не углядели мы. Третий год уже там. Письма вот пересылает, а мы – ей: живы, мол... Она всё сюда рвётся, только, видно, не знает, что мы близко, а то бы давно сбежала. В письмах ничего не напишешь. Нельзя. Как безграмотные объясняем. У меня душа болит: беды бы не было. Оттуда так просто не вырвешься, узнавали мы. Пока сами не выкинут за ненадобностью. Может, лучше там ей пересидеть? Тихонечко. А? – Марфа торопливо высказывала то, что тревожило её непрерывно. – Порядок наведут, а уж тогда вызволим. Если Москва, конечно, про нас не забыла. Стоит Москва-то, а? Не знаешь?

– Стоит, Марфа. Москва стоит. И порядок рано или поздно наведут. Держаться надо. Дети вот здесь беспризорные, владыка послал присмотреть.

– А Служба семьи вездесущая куда делась?

– Несколько месяцев назад контора их свернулась. Туда отправились, что ли? Ведь там – что страна другая, – Серафима кивнула в сторону Колоний, – но в Центре их нет. Дет-

ский дом тоже брошен. У вас-то как? Отцы как?

– Да у нас слава Богу! Отцы живы. Служим. Живём тесновато. Нам ведь тоже попало: часть гостиницы осталась только. Но в лесу, чай, – не пропадаем. Лес кормит. Ягод вам принесу в следующий раз. В том году, правда, морозы уже в сентябре вдарили, сама знаешь. Грибы только пошли – снегом завалило. Ягодок ранних запасла немного. Но для болящих принесу. За письмишком приду, принесу.

– Далеко! Неужто одна ходишь?

– Одна. Зимой на лыжах. Прячу их на подходе с ружьем вместе, без него – никак. Снег стает, тяжелее будет добираться. Ну ничего, ноги пока носят. Вот она, силушка-то моя, и пригодилась! Тут у меня бизнес. По секрету от отца Георгия. Он-то думает, что письма от Лизки люди хорошие так приносят. Ага!..

– Не боитесь ягоды есть?

– Нет. Грибы поначалу не ели, опасались. А потом за милую душу пошли. С молитвой – ничего. Да и всё-таки самое страшное нас миновало.

– Молиться начала, значит?

– Начнёшь при отцах-то... И вообще, одной тебе поклоны бить?

– И как ты теперь без дорам¹ своих живёшь? – мать Серафима лукаво покосилась на Марфу.

---

¹ Дорама – японские телесериалы. У нас дорамами называют все азиатские сериалы: южно-корейские, тайваньские, китайские. – *Прим. ред.*

Та хмыкнула, вздохнула:

– Да ладно, живу. Жалко только последнюю не досмотрела. Теперь и не узнать, вместе они остались или нет. ГГ, главные герои, то есть...

– Слов у меня нет! – мать Серафима рассмеялась, помолодев сразу и став настоящей красавицей. – Ой, Марфа! Конец света на дворе, а она переживает, что дораму не досмотрела!

– А что, «ой, Марфа»? Она же уехала, героиня эта, вожжа под хвост попала, обиделась, дура. Он туда-сюда... Нет её! С лица спал. Не ест, не пьёт. А вокруг неё один такой хлыщ вьётся. И только ГГ этот узнал, где она, – бац, нэтик грохнулся. Всё!

Марфа стукнула ладонью по столу.

– Ладно, – смеясь, сказала Серафима, – там, в этих дорамах, всё хорошо заканчивается. Хеппи-энд.

– Ну не скажи! У главного героя ещё комы не было и амнезии. А должны быть по всем правилам! Потом в этих дорамах иной раз такой хепи энд, что и не поймёшь, хепи или не хепи... А я люблю, чтобы определённость была – свадьба! И чтобы хоть немного после свадьбы показали, как они, ГГ, в радости живут. Чтобы пересмотреть по новой захотелось...

Обе посмеялись.

– Вот, Оля, у тебя и любовь случилась до гроба, можно сказать, и монастырь потом... Людка, подруженция наша любимая, тоже замужем. Жива ли? А у меня... – Марфа снова сморщилась, вздохнула, но тут же довольно заулыба-

лась. – А у меня – Лизка, Лёшка, Тимка, малые, ну и прочие, прочие...

– Не держишь на меня обиды?

– Да... Может и держала раньше, грешна. Только ведь правильно он тебя выбрал. Вон ты какая до сих пор!.. А я? Тьфу! Да и не в моём вкусе он, знаешь, был. Я к блондинам равнодушна.

Ещё посмеялись.

Потом Серафима спросила, враз опечалившись:

– Что с Лизкой-то делать будете?

– Да только ждать. Я письмецо посмотрю, сил нет терпеть.

Марфа торопливо полезла в карман за футлярчиком. Сняла крышечку. Подтянула поближе свечу. «Ага! Вот оно, вот оно!» Отстегнула от шалёнки булавку, остриём подцепила крошечный листочек бумаги, прилепленный к помаде, сложенный в несколько раз, вытянула, развернула дрожащими пальцами на ладони.

Мать Серафима смотрела, затаив дыхание.

На листочке была нарисована крошечная фигурка – улыбающаяся во весь рот девушка с шапкой коротких кудрявых волос бежала, вытянув вперёд руки, словно к кому-то в объятия.

– Художница! – восхитилась Марфа. – Талант! Не пропадёт. Э, а косы-то куда дела? Ещё в прошлом письме с косами была. Ну, Лизка...

Часть первая

Цыплёнок

1

...А ещё, разлюбезная моя Любовь Ивановна, хочу пови-
ниться: терпение моё снова лопнуло. Хотя папка, конечно,
сказал бы, что терпения у меня и в помине нет. Не зна-а-ю!
Без него здесь и дня не проработать. Значит, капля терпения
(и большая капля, я тебе скажу) всё-таки есть.

Не хвастаюсь, честное слово! Вернее, капля была. Она се-
годня в очередной раз на крошечные капельки разлетелась.
Сначала хотела сказать, как шарик, лопнула. Но шарик что –
пустота. Лопнул – и всё! Ничего не осталось. А потом, «кап-
ля лопнула» как-то не по-русски звучит. Да? Ой, с русским
у меня просто беда!

А капелька к капельке притянутся, сольются в одну каплю
– ия опять при своём терпении. Без него и правда – никак!

Может быть, меня переведут на кухню. Но, имей в виду,
таких быстрых официанток, как твоя дочь, в нашем кафе, да
и не только в нашем, нет! Опять же не хвастаюсь! А всё по-
тому, что Кэт подарила мне роликовые коньки из своих запа-
сов, ещё довоенную модель. Ботиночки лёгонькие, удобные,

я на роликах даже танцую, когда никто не видит. Помнишь, как ты учила меня кататься возле фонтана, мы ещё тогда в городе жили? Давным-давно...

В кафешке, где я работаю, – два зала. В маленьком стоит рояль за ширмочкой, а столиков всего пять – там собираются редко. Народ гнездится в большом. И вот здесь я от столика к столику езжу на роликах (Надо же! Прямо стих получился!): туда-сюда, туда-сюда. С подносом в руках. Тут главное – всё замечать, ухитриться смотреть под ноги, потому что развлекуха есть такая – подножки подставлять. Я, конечно, у тебя остроглазый орёл, вернее, орлиха. Объеду, перескачу! Но сегодня сплеховала, потому что неожиданно для себя скосила глаза на братца. Он в своём любимом кресле – Гамлет, Чайльд Гарольд, Онегин, Печорин (made in Тайвань, конечно) и кто там ещё? – несколько в стороне от всех. Чтобы не беспокоилишний раз болтовнёй! А Майк с Тэдди в обнимку, Сьюзи и Рита развалились на диванчиках и смотрят на это чудо в перьях, вернее, в кружевах, с обожанием.

Скосив глаза, ногу, подставленную Ритой (или Сьюзи, путаю их всегда – они одинаковый макияж делают – двое из ларца...), не увидела. Не представляешь, какие па я выделяла, чтобы не уронить поднос! И всё же уронила. И сама грохнулась. Все так радовались, словно получили долгожданные подарки. Даже в ладоши хлопали.

Пиво, иногда натуральное (где достают, интересно?), в нашем элитном кафе разливают в стеклянные бокалы.

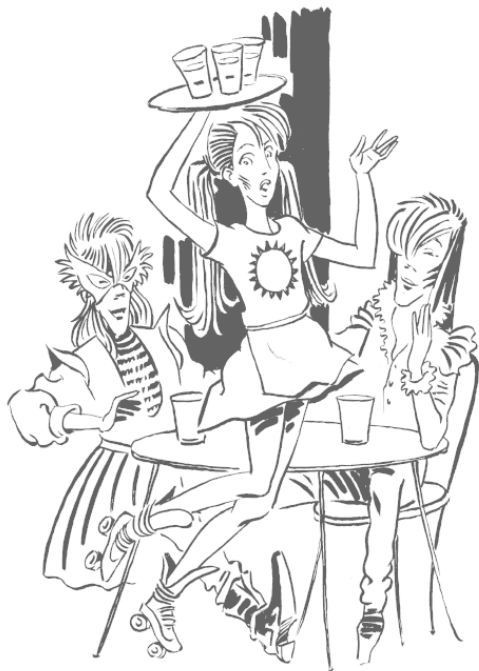
Пока подбежавший Поль раскланивался, извинялся за мою неуклюжесть, я ползала по полу (а на роликах это ещё то занятие!) и собирала осколки.

Мамуль, я не плакала! Честное слово! Давно не плачу по таким пустякам. Как выражается баба Марфа – «врётся, не возьмёшь!».

Самый крупный осколок закатился за ножку кресла, в котором сидел братец. Я всё-таки не удержалась и подняла голову – посмотрела на Лиса.

Вся его поза выражала отстранённость от происходящего и на лице – абсолютный пофигизм. Даже полумаска не могла его скрыть. Лучше бы хлопал в ладоши, честное слово! Ведь смешно – полёт цыплёнка!

Да, я уже рассказывала про новую «фишку» местной «золотой» молодёжи. Но расскажу ещё раз. Я вообще все новости пересказываю, сама знаешь, не по одному разу. Месяц назад братец со товарищи пришли в маскарадных полумасках типа венецианских. Красота неопишная! Народ в кафе ахнул. Девушки растерялись. А на следующий день Сьюзи (или Рита?) пришла в такой же полумаске. И началось! Словом, мамульчик, у нас в кафе маскарад каждый день. Они даже по улицам так ходят.

Я немного отвлеклась.

Не подумай, что заговариваю зубы, придумываю, как со-
врать получше или выгородить себя. Просто вспомнила, что
пыталась разглядеть на физиономии Лиса какие-то челове-
ческие эмоции и не преуспела в этом.

Глянул быстро, фыркнул. И я услышала тихое-тихое:
– Чикен!

Как плюнул, честное слово!

Тогда терпение и лопнуло. Я подъехала к стойке, где делаю заказ, попросила налить пиво не в стеклянные бокалы, а в большие пластиковые стаканы. Нарезала огромную пиццу, покружилась по залу и опрокинула поднос на стол перед их компанией. Бах-х! Полный восторг! Чтобы всем досталось! И братцу тоже.

Да, я не была в состоянии аффекта. (Во что помню! Дяди-Ёсино словечко!) Я же специально попросила пластик. Во-первых, ещё раз осколки собирать не хотелось, во-вторых, мне и так за четыре бокала расплачиваться...

2

...Мамуль, меня не выгнали. Думаю, что Поля эти детки достали тоже!

Он даже шепнул: «Давно бы так!» И подмигнул.

Вот классный мужик! Он, конечно, в зале мне выговор сделал, но я-то знаю – это так, для порядка. Зовут его, думаю, по-другому, но представился, когда знакомились, именно так: «Хозяин ресторана или, на худой конец, кафе должен носить имя Польш. Не будем изменять традиции».

Ну, Польш так Польш. И ролики – это его идея. Твоя дочка – единственная официантка на роликах во всех кафешках наших Колоний.

Временно удалённая из зала, я зализывала раны у входа в подсобку. Дула на ушибленное колено. Конечно, можно на-

девать наколенники, но к форме официантки – фартучек и прочее – они как-то не идут. И вообще, кое-кто может подумать, что я струсилa. Пластырь телесного цвета – и всё в порядке! Да и падаю не так часто.

В зале вместо меня хозяйничал робот-официант. Опять же в обычных кафе только роботы – и каких только нет! – летают, ползают, бегают. А у нас официантки, как в старину. Роботы только на подмену. Над ними ведь не поиздеваешься.

Ты всегда говорила, что ничего случайно не происходит. Ты права как всегда! Если бы Рита (или Сьюзи) не подставила мне подножку, если бы я не сотворила всё остальное – пропустила бы приход спецназовца. Я его Здоровячком прозвала.

А тут глянула на улицу – он! Каланча. Стоит, оглядывается. Глазки-алмазки.

Сначала так обрадовалась, что чуть было сразу не вылетела на улицу. Вовремя остановилась. Сняла фартук и шапочку, схватила плащик с вешалки и сумку, не торопясь открыла дверь и не спеша проехала мимо – так, чтобы он меня разглядел.

На улице здесь всегда прохладнее, чем в помещении. Я обычно плащик надеваю, как сегодня.

Улицы в Колониях гораздо уже, чем в городах на Земле. И машины размером поменьше, напоминают гоночные кары, но двухместные: сиденье шофёра, а за ним одно пассажирское кресло. Обычно на заднее молодёжь забирается парами,

а Тэдди ещё и рядом с собой на водительское место кого-нибудь сажает. Майка, например.

Вообще, машины здесь котируются как предмет роскоши. Тем более что после Второго этапа войны их больше не выпускают. И «стрелки», маленькие летательные аппаратики, сконструированные специально для сообщения между Колониями, тоже довоенного образца. Нам, «цыплятам», права пилота не выдают и машины водить не разрешают. Так что я летаю на общих «стрелках» и езжу на маленьких автобусах: мест на десять.

Потолки над улицами низкие, но их подсвечивают так, чтобы иллюзия неба сохранялась. Даже облака плавают. И кажется, что плывут высоко-высоко! Утро, день, вечер, ночь – по земному времени. Потом, говорят, это отменяют. Когда все окончательно адаптируются.

Ехала тихонечко, поглядывала в стёкла витрин. Здоровяк шагал за мной. Молодец, соображает! Мне он в прошлый раз не очень понравился. Смотрел как-то неприятно – пристально. Предыдущий «почтальон» был симпатичнее.

Но тот пропал куда-то. А колонистов, которым разрешён выход наружу, – мало. И все они или в 1-й или во 2-й Колонии работают, а живут в других. Вычислить «почтальона» – труд ещё тот!

Заехала в «Киви», большое кафе, куда ходит народ попроще – всё больше из obsługi.

В масках здесь никого не увидишь.

Здоровяк плюхнулся напротив меня.

Ну и глазки у него! И мускулы под серой курткой – буграми.

У нас договорённость – расплачусь колечком. Пять моих зарплат ушло на фигурьку с изумрудиком. Колечко, завернутое в фирменную салфетку «Киви», лежало в сумке с тех пор, как я начала ждать возвращения Здоровяка. Всё было продумано заранее.

Я заказала кофе и пиццу. Здоровяк добавил ещё парочку салатов и пиво. Стол был заставлен. Футлярчик с гигиенической губной помадой подкатился к моей тарелке. Я достала из сумки косметичку, вывалила на стол содержимое. Улыбаясь смущённо, припудрила лицо, кося при этом глазами по сторонам. В косметичке, правда, кроме зеркальца и носового платка, до недавнего времени ничего не было. Но дней пять назад – как чувствовала! – купила пудру и тушь для ресниц. Хотя до сих пор не крашусь, честное слово!

– Всё нормально, – Здоровяк хохотнул. Подвинул к себе салфетку с кольцом. – Маловат изумрудик-то!

– Нормальный изумрудик! – возмутилась я. – Слушай, спецназ, цену мы с тобой обговаривали!

– Жизнь дорожает, деточка! Да и колечки эти теперь не в цене. И за риск доплатить нужно. Посидим где-нибудь в укромном месте? Поговорить есть о чём.

Неприятный тип. Но выбирать было не из кого. Мам, это, как говорится, издержки, в смысле – такие накладочки слу-

чаются. И тебе беспокоиться не о чем. Правда, правда!

Хмыкнув, я мгновенно собрала содержимое косметички, не забыв футлярчик. Набрала цифры своей платёжной карты на панели стола – расплатилась. Обычно убегаю быстро. На роликах как-никак! Даже не оглянулась.

Но век живи, век учишься! Правда, есть такая поговорка? Или поговорка? Помню, баба Марфа всегда добавляла при этом: «А всё равно дураком помрёшь!» Так вот, и Здоровяк оказался не промах, и я ухитрилась споткнуться. Прямо на ступеньке.

Вывернуться из рук Здоровяка, конечно, вывернулась, – припустила по улице во весь дух.

Но знакомую красную машинку у тротуара разглядела. И взгляд братца. Вот, мам, поставь передо мной человек сто в масках— я братца всё равно узнаю. Таких блестящих глаз ни у кого нет. И взгляда такого. Бр-р-р!

Но, с другой стороны, я в последнее время, как только братца узнаю – это когда они толпой меня окружают где-нибудь в переходах Колонии (пугают, уроды!), – сразу успокаиваюсь. Если он среди них, поржут, вокруг поносятся, рожи покорчат, что-нибудь покричат глупое, обкидают какой-нибудь дрянью (Лис, конечно, только издали глазищами зыркает) – и всё! Разбегаются. Первый класс, начальная школа, блин! А вот если этого Гамлета недоделанного нет поблизости, тогда – беги, Лизка, спасайся! Ну, ролики и спасают.

...Мамуль, я с тобой или с Марфой обычно начинаю разговаривать с утра, как проснусь. И говорю, говорю, – иногда вслух даже. Бормочу под нос, когда никого рядом нет. А порой и когда есть. Тихонечко. Иначе по-русски говорить перестану. На русский здесь – табу. А «общий» – это нечто! Как понимают друг друга – непонятно. Правда, беседы не ведут: «общий» для этого не создан. Так, перекидываются отдельными словечками. Местный стёб.

А с папой почему-то разговариваю редко. Долго собираюсь с духом и говорю всегда вечером перед сном.

Вот и сейчас сижу в кухне, жду момента, когда можно будет юркнуть в «норку» и поговорить с тобой, папка. Представить, что ты сидишь напротив, от тебя вкусно пахнет, особенно борода, если к ней прижаться. Ты устал, покачиваешь головой, у тебя даже сил нет меня поругать. А ругать, как всегда, есть за что.

Но сначала открою футлярчик. Скорее бы!

Он в лифчик засунут, почти под мышку. Так надёжнее.

Я уже ношу лифчики, мам. Мне Кэт подбирает. И вообще, я так выросла – не узнаешь!

Квартирки в Колониях небольшие, даже у самых-самых богатеньких, – в основном двухуровневые, с гаражами. А у некоторых, у нас, к примеру, ещё и балкон специальный для

«стрелок». С рукавом, какие раньше были в аэропортах на Земле.

«Стрелка» садится бесшумно, а если кое-кто и ходит бесшумно, то уши всегда нужно держать на макушке.

Шуанг сейчас уже в постели, вставать ей не разрешено. Кэт после вечеринки, пожалуй, тоже в своей комнате. Молочный порошок для них я развела и отнесла наверх. Хотя Кэт больше нравится черпать из винных запасов своего бойфренда. Мистер Барлоу, который этот бойфренд и есть, месяц не вылезает из своих лабораторий.

Остаётся Лис. Машина в гараже. «Стрелка» на месте. А дома ли он? В его комнаты мне дороги нет. Вечером я братца не видела. К ужину не выходил. Но это не факт, что его нет дома. Лис может быть где угодно. Ты думаешь, что он за тридевять земель, ан нет: оглянись – он тут как тут! Стоит, смотрит: то ли на тебя, то ли куда-то поверх твоей головы – не понять. Молча.

Все вышеперечисленные – это моя так называемая условная семья. То есть люди, с которыми я живу. Николас Барлоу, знаменитый учёный, архитектор и один из самых влиятельных людей в Колониях. Говорят, что он родом с Тайваня. Кэтрин – маленькая, красивая, очень добрая и пугливая китаяночка. Не спрашивай, почему Ник и почему Кэтрин. Они все здесь Ники, Майки, Барлоу, Спенсеры, а посмотришь – сплошной интернационал.

Меня отобрали для Колоний в детском доме, там, на

Земле. Заставили сдавать разные анализы, проходить медосмотр. Шептались, что отбирают только девочек. Ну, ты понимаешь. Помнишь, когда я попала в детдом, мне едва исполнилось пятнадцать.

В детском доме я прожила полгода, самые страшные полгода в моей жизни. Об этом тебе, когда увидимся, говорить не буду. Пришлось научиться царапаться, кусаться и драться, как дикой кошке. По-настоящему. Что бы сказал папа, увидев мой хук правой? Сказал бы, наверное, что нужно убеждать словом. Пыталась, честное слово! Но заканчивалось всё дракой.

Первые три месяца в детдоме я постоянно сидела в изоляторе, наказанная за попытки к бегству, где твердила все молитвы подряд, которые знала наизусть. А потом у меня появился друг. Настоящий парень. Очень хороший, мам, правда! Он старше меня, такой сильный и высокий, что его никто не смел обижать. Мой защитник. Его зовут Алекс. Из парней для Колоний отобрали несколько человек, и Алекса в том числе.

Из всех детдомовок сюда попала я одна.

Даже радовалась, прощаясь с детдомом. Всё равно, думала, сбегу. Не знала, что это такое – Колонии.

В 11-й Колонии мы жили отдельно с мальчиками, камеры Контроля висели повсюду.

Нас учили «общему» языку, возили по разным фермам и производствам. После 11-й пошла бы я цыплят выращивать

(у нас и прозвище-то в Колониях – Чикен) или огурцы в теплицах.

Тоже не лучшее было время. Как сказывала баба Марфа, «шаг вправо, шаг влево – считается побег». С девочками познакомиться не получалось. Меня считали полным отстоем. Я так перевела с «общего». Отстойнее, мол, не бывает. Наверное, били бы, вернее, попытались бы побить, но с этим здесь строго. В два счёта из Колоний вылетишь. Поэтому язвили и смеялись надо мной, но трогать не трогали. А мне после наружного детдома на эти их сме... шочки плевать с высокой колокольни.

Когда буду с тобой, мамуль, говорить по-настоящему, нужно постараться следить за словами. А то вырываются иногда такие... Ты же знаешь, я восприимчивая к слову.

А год назад Ник Барлоу забрал меня из 11-й: Кэт нужна была нянька для малышки Шуанг, дочки от её предыдущего друга. Вообще-то здесь не принято жить со своими детьми, но для Кэт сделали исключение.

Служба семьи, она и здесь процветает, переехать к Барлоу разрешила. И Тина, мой куратор, не протестовала.

Скоро, мамулечка, мы обязательно увидимся, и я расскажу обо всём, что со мной приключилось, но так, чтобы ты не волновалась. А ты бы обязательно стала волноваться: я ведь переехала в дом, где есть парень – сын Ника, то есть Лей, то есть Люк, то есть Лис. Он тоже исключение из правил, живёт с отцом. Хотя ни разу при мне не назвал Ника папой, обра-

щается к нему только по имени.

Но волновалась бы ты совершенно напрасно, потому что Лис... Он из этих современных парней, которые непонятно кто. Мы как-то с тобой видели в городе таких мальчиков, когда в больницу ездили. Ну, которые целуются друг с другом. Ты ещё тогда не разрешала мне смотреть. Правда, чтобы братец с кем-то целовался, врать не буду, такого не было. Он вообще особнячком держится. И терпеть не может, когда к нему прикасаются: ни мальчиков, ни девочек не обнимает. И они его тоже. Но косметики на нём с килограмм. Это очень модно здесь. У каждого свои визажисты и свои «образы». Например, Лису макияж делают разных видов, в зависимости от обстоятельств, времени суток и настроения братца, как то: «всех порву!», «ночь вампира» (в темноте увидишь – описать можно от страха), «в небе звёздочка взошла» (чтобы красоту его несусветную видели со всех столиков в кафе) и «папа, я хороший мальчик», то есть умеренный, дневной.

Местную молодёжь здесь никто не сторожит. Что позволено Юпитеру, короче...

4

...В мою «нору» забрался Лис!

Я только начала спускаться, как почуяла знакомый запах. Лис! Воняет его туалетной водой! Она у него какая-то запоминающаяся. Так и есть! Лежит на ящиках – на моей лежан-

ке самодельной.

Спит!!! Да что же это делается-то, а?

Значит, я была права. Чувствовала, что кто-то ползает в мою «норку». Выходит, когда меня нет, братец спускается сюда?! Ему своих комнат мало? Конечно, это я виновата! Сама раскрыла своё убежище. Идиотка!!! Дважды, трижды идиотка! Он же меня подставит! А если узнают, что он сюда шляется, и нас застукают вдвоём?

Мам, не волнуйся. Я всё объясню.

Так получилось.

Месяц назад я сидела поздно вечером на кухне. Кухней, конечно, этот большой зал на первом этаже, со сверкающими плитами и барной стойкой, никто здесь не называет, но мне так привычнее.

Не читала, нет. То есть читать по-прежнему люблю, но то, что мне Тина перекачивает, как-то плохо идёт. Она книжки подбирает старые, довоенные, то есть до Первого этапа войны написанные, американских авторов, английских, французских – в русском переводе, вроде одолжение мне делает. И есть ничего такие. Язык там, то-сё. Но, знаешь, как правило, рано или поздно выясняется, что главный герой или героиня – и хорошие такие бывают, прямо жалко их! – в Бога не верят. Они так и говорят: «В Бога я перестала (или перестал) верить ещё в детстве» Или – «не верила (не верил) и в детстве». А иногда герои книги находят какие-нибудь дневники, где оказывается, что Господь Иисус Христос – обыч-

ный человек, и даже выясняется, что у него была куча детей. Правда, не вру, я сначала глазам своим не верила, а потом противно стало. И как-то не читается больше...

А ещё детям там в родных семьях живётся до того скверно, что слезами обливаешься, – до чего же, оказывается, родители мерзкие бывают. С детками родители не справляются. Если детей двое – всё, туши пожар! Героиня-мамаша из депрессий не вылезает, всё у неё из рук валится, конец света прямо. Я читала и думала порой: не приснилась ли мне моя жизнь? И ты, мамуль, не приснилась? Как ты с нами управлялась? А нас у тебя пятеро. «Пока только пятеро», – как ты говорила тёте Свете, матушке отца Константина. У той – семеро по лавкам. Хотя, конечно, у нас в семье баба Марфа есть. Но, судя по этим книгам, таких семей – с бабами Марфами – в жизни не бывает.

Детей там обязательно отбирают хорошие дяди и тёти, которые в Бога не верят, и отдают в приёмные семьи. А в приёмных семьях, опять же обязательно, или два папы, или две мамы. Они-то ангелы просто!

А как выражаются! То есть нецензурная, простите, лексика! На каждой странице. Где там нашей Марфе до нобелевских лауреатов! Она и слов таких не знает! А я со своей восприимчивостью? Беда просто. Так иногда хочется повторить! Особенно когда разозлишься. Хорошо, что папа не слышит. Марфа бы поняла. Хотя подзатыльник бы я от неё схлопотала: «Тут я тебе не пример, Лизка!» Эх!

Короче, листаю однажды очередной роман и чувствую – хочу Толстого Льва Николаевича, «Войну и мир» хочу! Попались бы они, эти «Война и мир», мне сейчас в руки – от корки до корки бы прочитала. И чего перед Марфой выделялась? Скучно, мол! Дура!

Пришла как-то к Тине и списочек ей подаю. Мол, прошу скачать мне Евангелие на церковнославянском, Достоевского Фёдора Михайловича, Диккенса Чарльза, Лескова Николая, забыла отчество, ну и ещё кое-кого. Соблюдайте мои права, дайте мне читать то, что я хочу. Видели бы вы Тинину физиономию! Ох и посмотрела она на меня! Но взяла себя в руки.

– Господину Барлоу можно посочувствовать, – только и сказала. Списочек разорвала, а на книжку электронную скачала «Код да Винчи» и «Последнего тамплиера».

Так что читать мне, собственно говоря, и нечего. Ну да ладно. Это я отвлеклась.

Камера на кухне – слева, видит помещение только до середины или чуть побольше, а справа – «слепая» зона. Проверено. Я – справа, и сидела мышкой, в окно пялилась. Там у меня что-то типа «Уголка заросшего сада» Шишкина.

И Марфины песни, как всегда, когда нет никого поблизости, распевала.

Колокольчики мои,
Цветики степные!

Что смотрите на меня,
Тёмно-голубые?

И жалко мне эти колокольчики, прямо реветь хочется! Хотя строчка про «бег неукротимый» тоже нравится. Я её переделала:

Только вам не удержать
Бег неукротимый.

Мой бег неукроти-и-мый!

К дверям повернулась, а там Майк и Тэдди под руки с Лисом. Как вошли, не видела. Лис голову опустил, волосы длинные болтаются, лицо закрывают, и полумаску маскарадную я сразу не заметила. И ноги у него, похоже, подкашиваются. Перепил этот чокнутый, что ли?

Меня увидеть они, должно быть, не ожидали, но деваться им было некуда. Вот она я – сижу на стульчике в уголке. И со мной нужно что-то делать. Если бы они и впрямь напились, плевали бы на меня и на всех остальных, кроме отца Лиса, конечно. Только были они трезвее трезвого. Во всяком случае, Майк и Тэдди.

– Что это с ним? Пил в одиночку? – я собралась уже уходить.

Но Лис, очевидно, отключился, и приятели поволокли его к стулу.

– Вон диван, придурки, он со стула свалится! – Помогать

я им не собиралась, хотя брата в таком состоянии раньше не видела и смотрела на происходящее во все глаза.

И вот тут-то я рассмотрела красные капли на белом полу. Ни фиги себе! Мама дорогая!

– Это что?!

– Лиза! – Майк схватил меня за руку и подтащил к Лису. – Помоги, а?

Я присела на корточки перед Лисом. Он пришёл в себя и пытался сидеть прямо, что давалось ему с трудом. Из-под полумаски по правой щеке текла кровь. Глаза смотрели куда-то вверх моей головы. Тэдди держал его за плечи, и было件нятно, что, отпусти он Лиса, тот грохнется тут же на пол.

– Нужно врача и полицию, наверное, вызвать?

Лис мотнул головой и уставился зло на меня.

– Тогда позвать Кэтрин?

Та же реакция.

– А от меня-то вы чего хотите?

– Лиз, – зашептал Майк, – нельзя полицию и врача тоже, понимаешь? И нельзя, чтобы увидели его таким...

– Вы что натворили-то, а?

– Да не мы... Мы сами не знаем, что случилось. Он в машине сидел. Мы вышли из бара, а он вот... У него здесь, – Майк показал на висок Лиса, – и плечо ещё, по-моему. Мы сверху плащ накинули.

– Мы, мы... – я осторожно приподняла маску. Лис зашипел. – Ого, ножом, что ли, задела? А что, к твоему вампир-

скому макияжу самое то! – когда волнуясь, перехожу с «общего» на русский. – Вот, вражина, ещё и лечить тебя буду! Мало мне от тебя неприятностей!

Глаза Лиса сузились. Можно подумать, понимает, что говорю. Я готова была взвыть! Да что же это такое делается?! Полицию вызывать нельзя, Службу семьи – ни в коем разе! Прилипнут. Всем планам моим конец! Привлеку внимание.

Раны нужно обработать. Посмотреть плечо. И где это плечо смотреть? Развернуться и уйти? А если кровью истечёт или рана загноится? Когда я разбиваю в очередной раз коленку в кафе, мне выдают флакон с жидкостью, которой нужно обрабатывать ранку. После последнего раза ничего не осталось. В комнату его тащить далеко. Кэт проснётся. Или не проснётся? Всё равно в комнату Лиса мне входить нельзя. Так. Остаётся спустить в «нору».

– Слушайте меня! Знать ничего не знаю про ваши дела. Но его нужно отсюда утащить. Спустим вниз, в кладовку! Да поживее, а то Кэт может проснуться!

5

Я открыла дверцу в маленький отсек, откуда лесенка вела вниз, в так называемую кладовку. Кэт любит, чтобы запасы продуктов были под рукой – по старинке.

«Норку» под кладовкой я нашла, как только приехала сюда. Рыскала по углам в поисках укромного местечка без ка-

мер, вроде тех, что были в 11-й. Мне их там одна повариха показала – хорошо ко мне относилась. Я ей помогала готовить: нам разрешали помогать, да не все рвались. Вот она в благодарность и просветила, где эти захороночки искать.

Металлическая плита плотно закрывала отверстие в полу кладовки – даже если приглядеться, не заметишь! Лишний раз я её не трогала, в своё убежище пролезала другим путём – по длинному ходу, ведущему из гаража. Для братца придётся плиту поднимать.

Мы усадили Лиса на ящик с консервами.

– Ты его здесь оставишь? – Майк озирался по сторонам.

– Ничего лучшего пока не придумала, – схитрила я. – Вы проходили через гараж?

– Ну да, мы так всегда проходим, там камера не работает.

– Ага, зато на кухне работает. Втроём пришли, втроём должны выйти. Вдруг он завтра не встанет?

«Что же я такое говорю? А если у него всё серьёзно?»

Но думать было некогда.

Мы сняли с Лиса замшевые сапоги. Какая у него маленькая нога, у этого выпендрёжника! Его сапоги мне почти в пору! Лис, конечно, повыше, но если я повисну на Тэдди слева (Ой, представляю, какую он рожу скроит – терпеть меня не может!), а Майк загородит нас справа, может, и не обратят внимания.

Я надвинула капюшон Лисова плаща на лоб, опустила голову, и наша троица, старательно шатаясь, вышла из кухни.

Майк с Тэдди уехали на машине Лиса, а я, толкая впереди себя плащ и сапоги, обычной своей дорогой – ползком – пролезла сначала под гаражом, потом под коридорчиком с «чёрной» лестницей вниз, под кладовку. Ход узкий, металл местами даже горячий, кое-где пролезла еле-еле. Я так запыхалась, спешила – вдруг братец сознание потерял? Самари-тянка прям!

«Норка» моя любимая, конечно, узенькая совсем, но глубокая. Под кладовкой, должно быть, хотели сделать ещё какое-то подсобное помещение, да раздумали. Когда я сюда в первый раз заглянула, на жилище это мало было похоже: стены металлические все в дырках. А теперь – хорошо у меня здесь, век бы отсюда не вылезала! Стенки задрапированы лоскутными занавесками. На лоскутки, в основном, пошли старые платья Шуанг и Кэт, но и костюмчик Лиса, который он где-то безнадежно порвал, я с удовольствием на квадратики порезала.

Лежаночка сюда поместилась и столик – освободившиеся ящики из-под консервовгодились. Даже полочку из плоского ящика ухитрилась к балке подвесить.

Вылезла я, «стол» отодвинув: он ход из гаража закрывает. Вверх в кладовку по скобам рванула. Плита у меня изнутри на засовчик самодельный закрыта. Засов вытащила, плиту приподняла, выглянула.

Лис привалился к полкам, губа прикушена, глаза закрыты. Тихо вылезти не получилось: плита большая, тяжёлая, за-

раза! Когда я её отодвинула и посмотрела на Лиса, тот уже сидел с открытыми глазами, уставившись на дыру в полу.

«Чикен!» – прошипел, или мне показалось? Вот гад, а?

– Ты сможешь сюда, вниз... сам?

Лис, опираясь на полку, стал подниматься.

– Осторожнее, не урони банки! Давай я помогу.

Лис мотнул головой.

– Как хочешь. Я... ну, придержу, что ли.

Через целую вечность Лис начал спускаться.

Скоб на стене было всего четыре, нижняя от пола довольно высоко. И узкие они, конечно, эти скобы. Не успела я прошипеть «Осторожно!», как нога Лиса соскользнула, и мне пришлось обхватить его руками.

– Чикен!

В ту же секунду мы грохнулись: он на топчан, а я рядом, чуть было не ударившись головой об ящик.

– Чикен!

Когда пришла в себя, Лис лежал, закусив губу, глядя в потолок моей «норки», на прищипленные к нему серебряные звёздочки. Голову мою саднило, но крови, к сожалению, не было. Не повезло – нет причины обратиться за пластырем и антисептиком.

Тонкую рубашку Лиса я разорвала. Под плечо – крови много! – пришлось подложить её остатки, чтобы не запачкать одеяло. На лице кровь застывала.

«Если не найти пластыря, то на виске останется шрам. Хо-

рошо, что глаз цел. Где Лис мог так покалечиться? Синяки!!! Неужели подрался? Размалёванный Лис, признающий только эксклюзивные костюмы и рубашки с кружевами, – и подрался? Даже несмешно».

Мысли суетились в моей бедной голове. Ещё немного, и я бы не выдержала: заорала, побежала за Кэтрин. Потом вспомнила, как ты, мамуль, перевязывала отцу ногу, когда он напоролся на гвоздь, пытаюсь привести в порядок сарай.

«В кои веки собрался!» – помню, сказала баба Марфа (неужели до сих пор с папой ссорится?).

Ты была такой спокойной, словно совсем не волновалась. А кровищи-то было – море! Помоги мне, мамочка! Господи, помоги мне!

Я снова выбралась в кладовку, прислушалась: всё тихо. У Кэтрин где-то завалились консервы в металлических банках – редкость большая. А Кэтрин хранит, умница! Помню, когда-то в детстве сильно порезалась об крышку! И сейчас, открыв банку, зажмутив глаза, я опустила ладонь на зазубренный край. Изо всей силы.

Первое, о чём подумала, придя в себя, что, если порезалась очень глубоко, обработать раны Лису будет непросто.

Обмотав полотенцем окровавленную ладонь, вылетела в коридор, рванула вверх по лестнице, подбежала к «Медбрату», который стоял у нас в одной из ванных комнат. Он забит лекарствами, да просто так ничего не получишь. Набрала код аптеки и, протянув ладонь к экрану, стараясь не задыхаться, назвала адрес.

– Лиза, дом Барлоу. Порезала руку.

Мультяшный доктор на экране просканировал порез и округлил глаза:

– Ваш инспектор Тина Марш?

– Да.

– Вы повредили руку. Необходимо продезинфицировать

рану, заклеить её пластырем. Покажитесь врачу в ближайшее время и сообщите инспектору обстоятельства происшедшего.

– Да, да, обязательно.

– Предлагаю вызвать врача.

– Нет, нет, не нужно! Я сама всё сделаю.

– Если кровь не будет останавливаться, обратитесь ещё раз.

– Да, скорее, пожалуйста!

Через несколько секунд на подносик шлёпнулась коробочка. Обрадованная, я побежала вниз, разыскала одноразовые полотенца.

Кэт обычно пользуется старинными льняными, одно уже испорчено.

В коробке лежали пластыри – широкие и узкие, и несколько флаконов. Должно быть, моя ладонь впечатлила «Медбрата».

Промыв руку под краном, я трясущимися руками, боясь разлить, откупорила флакон с белой жидкостью и надписью «1-й этап – обработать рану».

Лис лежал с открытыми глазами, когда я присела рядом. Что в его башке творится, представить невозможно. Смотрит настороженно. На руку мою косится.

– Потерпи! – сказала маминым тоном.

Лис скривил рот, закусил губу.

Ладонь дёргалo, и делала я всё медленно и коряво. Куча

испачканных полотенец росла. На плечо Лиса я вылила пол-флакона жидкости № 1.

Лис шипел сквозь зубы, но терпел. Порез неглубокий, хотя, конечно, нужно было бы зашить.

«О-о-о, ещё и косметику ему смывать!»

Я поползла снова наверх, сменила воду в миске. Прихватила ещё салфеток. Жидкости для снятия макияжа у меня не было. Водой краска смывалась плохо, размазывалась.

– Блин! Какого лешего ты подводишь глаза? Они и так у тебя больше нормы! И вообще, что-нибудь одно выбирай: если дерёшься, то на фига краситься? А если красишься, будь тогда хорошей девочкой! И не дерись! А то плохие мальчики тебя побьют! И что у нас получается? Кошмар! Да лежи ты, не дёргайся!

Я забыла захватить из кладовки лишнюю лампочку.

Лезть в кладовку сил уже не было, пришлось наклоняться к лицу Лиса, чтобы наложить пластырь на порез у виска. Края ранки расходились, я сопела и пыхла, чем, конечно, раздражала брата. Глаза он сначала не закрывал, уставившись в потолок, что меня смущало почему-то. Потом закрыл, слава Богу! Если от меня пахло потом, это ужасно!

– Только не трогай. Убери руку! Руку убери, говорю! Шрам останется.

Я дала Лису лекарство из бутылочки с этикеткой «Заключительный этап. Выпить».

Всё! Лис живой. И помирать, похоже, не собирается. Я

тоже почти жива.

За ящиком завозилась недовольно Шуша.

– Сиди тихо, подруга, – шепнула я. – На глаза ему не показывайся от греха подальше.

Умная Шуша сразу затаилась.

Перед тем, как идти спать, я нашла в кладовке новое ведёрко и, свесившись вниз, бросила его в «нору».

– На всякий случай. Не полезешь ведь наверх.

Закрыв люк, не спеша вымыла кладовку и кухню, на полу которой кровь Лиса смешалась с моей.

Грязную, в пятнах, футболку можно не прятать. Тоже хорошо. Испачканный кровью плащ вместе с остатками рубашки схоронила в лабиринте хода под гаражом.

6

Так и получилось, что я самапустила хитрого Лиса в своё убежище. И колебалась недолго, вот ведь в чём дело! Не ожидала такого от себя! Плевать мне на него сто раз! Да пропади, кажется, этот Лис пропадом с его дикими, невысказанными причёсками, с кружевами, костюмчиками... с его приятелями-лизунчиками! Где была моя голова?! Растерялась, должно быть.

Когда Кэт и Шуанг встали, я показала им ладонь с пластырем. Им и Тине, к которой зашла по дороге в кафе, сказала, что ночью захотела консервированных фруктов и по-

резалась, открывая банку.

– У тебя большой порез, Лиза, – внимательная Тина рассматривала ладонь. – Ты была неосторожна. Любишь есть по ночам? Что-то я не замечала у тебя раньше такой привычки. Вредной привычки.

Я широко улыбнулась:

– Это было в первый раз, Тина, и в последний, наверное.

Возле кафе я встретила Майка с Тэдом, неразлучную парочку. Они ждали меня, потому что сразу подошли, чего никогда не бывало.

– Вы сегодня опять всю ночь прогуляли? – спросила я, грозно глядя в раскрашенное лицо рыжего Майка.

Тот покивал головой с умным видом.

– Зайдёте в кафе? Я сегодня не в форме, но у вас заказ приму.

Поль поохал, глядя на мою ладонь. Даже хотел отправить сразу домой. Но я взяла пару заказов, в том числе у Майка и Тэда.

– Нужно сегодня перетащить его в комнаты, – я шептала, склонившись над столом, надеясь, что Майк услышит. – Приходите так же, как вчера. Одежду ему какую-нибудь принесите.

Вечером я позвала Шуанг в кухню. Захватила большой мяч из детской. Пока готовила ужин, Шуанг кидала его в стенку кухни, как раз под камерой. Что поделать, если ребёнок хочет поиграть? Потом позвала малышку в «слепую»

зону, мы маршировали и пели песни. Шуанг любит, когда я пою, особенно Марфину любимую старинную «Гремя огнём, сверкая блеском стали...», хотя не понимает ни слова. Оттуда бросали мяч по очереди, и я нечаянно попала в камеру. «Глазок» повернулся к стенке.

Отправив Шуанг спать и спросив Кэт, не нужно ли чего (к счастью, ничего не было нужно), спустилась вниз.

От Лиса я ушла рано утром, оставив на ящике воду и пару искусственных маленьких яблок. Яблоки лежали на месте, а воду Лис выпил.

– Сейчас придут Майк с Тэдом, ты сможешь сам вылезти? Вид у него был гораздо лучше.

Только злости не поубавилось.

– Я надеюсь, ты про «нору» трепаться не будешь?

Лис только фыркнул:

– Чикен!

Заклеенный пластырями, он сам вылез из «норы». Правда, вылезал медленно.

Ведро было пустым – терпел, паразит! Ну да ладно! Была бы честь предложена, как говорили раньше.

– О, блинчики! – раздался радостный вопль Майка, когда Лис уже сидел на ящике в кладовке.

– Давай сюда, – прошипела я, высунувшись в кухню. – Одежду давай!

– А что ты всё время шепчешь? – Майк уплёл блинчик и облизывал пальцы. – Прослушки в доме мистера Барлоу

быть не может. Здесь и камер-то мало.

– Была бы, вообще молчала бы как рыба. Дверь в кладовку закройте, – сказала я на прощание. – Да, вот ещё, от воспаления, прими на всякий случай, – и протянула Лису флакон. – Ну всё, бай-бай, как говорится. Я спать пошла.

Ложась в постель в своей комнате, подумала: «А вдруг всё же засекли, что Лис не входил в дом, а потом вдруг там появился?» И не спала полночи. Переживала. Паранойя у меня из-за этого Контроля!

Лис провалялся у себя наверху ещё пару дней, не пуская к себе никого, даже Майка. Выходил, когда меня не было дома. За это время я трижды пекла блинчики и оставляла на столе в кухне, прикрывая полотенцем. Они исчезали мгновенно. Голодный Лис снизошёл до моей стряпни. Надо же!

Кэт, бедная, привыкла, что Лис всегда всем недоволен, боялась даже дверь в его комнату приоткрыть.

А через два дня вся троица появилась в кафе в маскарад-ных полумасках.

7

...Я прозвала его Лисом. Сразу, как только увидела. Помнишь, мамуль, «Домино»?

Это единственная настоящая книга, которая осталась у меня. Всё отобрали ещё там, на Земле. Они и Сетона-Томпсона бы отобрали, да зазевались, я и схватила ту, что на краю

стола лежала, и под рубашку сунула.

Так вот, Кэт говорит:

– Это Лей. Познакомься, Лиза.

– Это Люк, – поправил Ник.

А он голову опустил, волосы чёрные, длинные, до лопаток, чёлка пол-лица закрывает. И отдельные белые прядки от макушки – это у него такая причёска тогда была. Глянул из-под чёлки.

Глаза показались огромными на узком лице, тоже чёрные, злые, вытянутые к вискам, да ещё подведённые. Ни у кого никогда не встречала таких блестящих глаз.

Вспомнила, что видела этого чудного, разодетого в кружева парня в кафе.

Лис любит одеваться по старинной моде. Заскок у него такой. Пунктик. Придурь. Бзик. Носит рубашки, пиджаки, сюртуки, френчи, костюмчики самых невероятных фасонов и – ты не поверишь, мамуль! – камзолы. Честное слово, не вру, настоящие камзолы! Из таких материалов, которые, по моему, на Земле только в музеях хранились. Иногда поверх камзола надевает что-то вроде кафтана. Смех, да и только! И жабо кружевные, и на манжетах кружева... А какая обувь! Нет, ну носил бы костюмы какой-нибудь эпохи Цин, например! Так нет! Лорд Байрон тайваньского разлива (я девушка начитанная) – и всё тут! Хотя, думаю, Лис про Байрона и не слыхивал. Если смотреть правде в глаза, сидит всё это на нём здорово. Отлично просто сидит. Но мне почему-то смешно

становится, когда я его в этой красотище вижу.

Нет, мам, представь, идёшь ты по нашим местным улицам: вокруг – металл и пластик, подсветки, роботы и прочее, прочее... Фантастический фильм. Народ в основном, если не на отдыхе, в комбинезонах: удобно, практично. И тут среди этого всего появляется чудо-юдо в парче и кружевах. Шпаги на боку не хватает. И фавориты его – в одежке попроще – следом топают. Морды раскрашенные, наглые. Я когда Лиса на улице встречаю, забегаю в какой-нибудь магазинчик и, пока не отсмеюсь, не выхожу. Однажды попалась... Но всё обошлось, я даже прощения попросила. Не стоило над убогим смеяться.

Если бы не кружева, прозвала бы Чингачгуком. За боевой раскрас. Он даже причёску носил одно время а-ля последний из могикан. Хвост на затылке, остальное выбрито. И косички до пояса были. И локоны. Про цвет волос – молчу. Фильм ужасов. Развлекаются здесь так. Но камзолы – только Лисова прихоть.

Когда я переехала к Барлоу, Лис жил в 1-й Колонии при лабораториях Ника. Он там, видите ли, работает. Скажите, люди добрые, кем этот павлин-мавлин может работать?!

В доме был мир и покой.

Через несколько месяцев Лис вдруг переехал в свои домашние апартаменты.

И в кафе стал появляться чаще. Подозреваю, чтобы изводить меня!

Он стал братцем Лисом, когда исподтишка начал делать мне разные пакости. Подножки – его идея. И не только подножки! Всего и не упомнишь!

Кэт обожает, когда я готовлю.

Баба Марфа бы мной гордилась!

А готовить здесь непросто. На открытом огне нельзя. Даже воду не кипятят. Всё готовят только в плите. Но в какой! Функций до шиша. То есть много.

Так вот, Лис ел мою стряпню с таким выражением, будто я подсыпала ему яду. И чем больше меня хвалила Кэт, тем больше он оставлял еды в тарелке.

Ну не паразит ли, а? Настоящую еду не ел! У Барлоу продукты натуральные. Если бы ты знала, что мы ели в детском доме снаружи?!

В детском доме Колоний уже кормили лучше, хотя всё искусственное, а когда меня Ник и Кэт к себе взяли, то я и во все голодать перестала.

У Кэт и мука есть, и даже мясо бывает.

Крылышки куриные готовлю – пальчики оближешь!

И представляешь, он кусочек в рот берёт и начинает демонстративно долго жевать.

Так и думаешь – сейчас выплюнет. Всё аккуратненько делает: с краешка кусочек отломит, отрежет. И большую часть оставит на тарелке. Не нравится, видите ли. Потому и худющий. Потому и злой. Я долго за ним доедала. Жалко ведь, пропадает добро.

Бабушка Марфа бы его быстро воспитала – как миленький бы ел всё, что дают!

8

Обычно их компанию я вижу только в кафе. После случившегося ничего не изменилось. Домой братец приходил поздно. Ни полиция, ни Служба семьи не появилась. Выходит, наши манипуляции с переодеванием проглядели. Наверное, я перестраховщица всё же.

Ладонь болела долго, а попросить лекарство у «Медбрата» ещё раз я боялась. Надеялась на пластырь. Тоненькая плёночка на ладони становилась всё прозрачнее: должно быть, скоро пластырь рассосётся совсем. Правда, шрам выглядел ужасно. Некому было края стянуть.

Любопытство – что же случилось с Лисом? – не скажу, чтобы очень мучило, но присмотреться к братцу я решила повнимательнее. С месяц присматривалась. И ничего не рассмотрела.

Правда, несколько дней назад он снял маску и пришёл в кафе без макияжа. Чистенький. Длинная чёлка закрывала висок, где был порез. Народ снова ахнул. Выглядел Лис пришельцем с другой планеты, держался независимо. На физиономии написано: «Только вякните!» Ну, никто и не вякал. Но и подражать пока никто не решился.

Как же я проглядела, что Лис забирается ко мне? Выхо-

дит, он вычислил ход из гаража. А я-то думала, его запах остался с того раза. Идиотка! Месяц почти прошёл.

Мне не терпелось достать и открыть футлярчик.

Лис лежал на спине. Рубашка – как всегда, с кружевами – валялась рядом с ящиками. Ещё и разделся! Вот нахал! Любуйтесь на него! Весь на виду! Хочешь не хочешь – смотри. Не буду я на него смотреть, вот ещё!

Без татуировок, в отличие от приятелей, худющий! Но нехилый. Мускулы вон какие! Ещё в прошлый раз заметила. Недаром носится с приятелями по лестницам и переходам Колоний! Паркур. На Земле о нём и не помнят, а здесь – любимое занятие. И кружева не мешают! А шрам-то не первый! Вон ещё один, и ещё...

Я подобрала рубашку, бросила ему на грудь.

– Эй, чокнутый, чего разлётся?

Такой безмятежной была физиономия братца, что я сразу поняла – спит, не притворяется.

У Лиса всё-таки странное лицо. В чём странность, сказать затрудняюсь. Разрез глаз необычный, что ли? Ну, Тайвань как-никак. Хотя, мне кажется, из Лиса китаец как из меня эфиопка.

Приятельницы Кэт от него в восторге. То есть от его лица. Самого Лиса они побаиваются. Даже Кора, стерва страшная, – сколько раз просила Кэт, чтобы она не дружила со злой бабушкой! – говорит, что от взгляда «этого мальчика» у неё мурашки по всему телу.

Соберутся в гостиной на коктейль, и начинается:

– Ах, Кэт, ваш Люк просто красавчик! Какие глаза!

– Не понимаю только, для чего они все так красятся? К чему столько косметики?

– Да, да! Я порой не могу отличить кто из них кто? Вы меня понимаете?

– Люк и без макияжа хорош, но так принято. И это заба-авно!

– Да, в наше время были мальчики и девочки. Теперь просто приятели.

– Ха-ха! И всё же не буду возражать против его гетеросексуальной ориентации!

– Тише, тише!

– А Люк родной сын Ника или приёмный?

– А какие у него скулы! Овал лица бесподобен!

– А рот (тут Кора всегда начинала хихикать), губы – нечто!

И всё в этом роде! Уши вянут! Рот! Губы!

Ест плохо, говорит ещё хуже и не улыбается ни-ког-да! И на кой ляд ему этот рот?

Бедная Кэт сидит, глазами хлопает. Вот овца, честное слово!

Прости, мам! Я давно не «солнышко» и не «цветочек». Но ты сама подумай! Ноги о Кэт вытирают все кто хочет. Лис, по-моему, её просто ненавидит. А уж сам Барлоу! Я не знаю, как он относился к матери Лиса, но до Кэт ему дела нет. До-

мой прилетает редко: у него отмазка одна и та же – работа государственной важности. Какое на фиг (ой!) государство! Объединённые Колонии? Он может неделями жить в 1-й, в своих лабораториях пропадать.

А Кэт терпит. Лишь бы Шуанг не отобрали. Она и перед Лисом пресмыкается. Лопочет: «Лей, Лей...» Это китайское имя Лиса. А он башки не повернёт в её сторону.

...Именно сейчас, когда я смотрела на него спящего, вспомнилась одна из вечеринок у Кэт. Она попросила меня испечь печенье.

Видите ли, все теперь любят только домашнее угощение. Настоящая мука – редкость! Вот и соревнуются тётки, у которых она есть, друг с другом.

Кэт сама не печёт, а у меня, мамуль, сама знаешь, – школа Марфы Петровны.

Я несла поднос наверх из кухни. Голос Кору разносился по всему дому.

Вылетев в коридорчик, ведущий в гостиную, увидела Лиса. Он стоял, прислонившись к стене, в тёмном плаще, голова опущена, руки в карманах. Меня не увидел, а я почему-то не пробежала, как ни в чём не бывало, мимо него, а юркнула обратно за угол.

– Кэт, ты ведь переехала из Харбина в Тайбэй? – звучала любимая тема Кору. – И мать Люка была с Тайваня. Говорят, умопомрачительной красоты. Бедняжка. Мне её жаль!

«Нет, вы подумайте, Коре кого-то жаль!»

Должно быть, её спросили что случилось.

– Она заболела. Рак. Естественно, Нику пришлось оставить её снаружи.

– А как вы думаете, Тайвань ещё существует? – кажется, это Люси, толстая смешная тётка откуда-то из Штатов.

– Да кто знает, дорогуша, что там ещё существует? Но – тсс! – сами понимаете, мы не должны рассуждать на эти темы. Мы здесь, старый мир остался снаружи.

Старый мир остался снаружи. Мама Лиса осталась. Моя мама...

Я перехватила поудобнее поднос, шагнула вперёд, и тут из-за угла выскочил Лис. Оттолкнув меня в сторону (печенье разлетелось по полу), – пулей понёсся по лестнице вниз.

9

Лампочка-«паучок» светила Лису прямо в лицо. Ниточка шрама на лице совсем незаметна. Если только приглядываться... Как можно так крепко спать?

– Эй, проснись!

Даже не пошевелился. Не трясги же мне его!

Отцепив лампочку, я повесила её подальше от братца в угол и села на пол. Терпение опять заканчивается. Если сейчас же не посмотрю, что в футлярчике, то лопну сама.

Руки тряслись, пока отвинчивала крышечку.

В моей «норе» то жарко, то холодно. Сегодня – жарко.

Я сидела в майке и всё равно чувствовала, как горела кожа на лице и груди.

Тоненький клочок бумаги пришлось разворачивать аккуратно, чтоб не порвать, а потому – медленно. В глазах потемнело, и я не сразу смогла рассмотреть что там.

На листочке был изображён овальный стол. Вокруг стола – смешные человечки, нарисованные так, как рисуют дети: ручки, ножки, огуречик. У одного из человечков была борода – чёрные чёрточки. У другого, у которого огуречик покруглее, голубел платочек.

Рядом с этим человечком были нарисованы два маленьких, с косичками. Две фигурки – одна длинная, с ёжиком на голове, другая в очках – сидели напротив, слева от человечка с бородой. Чуть поодаль был нарисован ещё один человечек, в красной косынке и длинной юбке, с палкой. Баба Марфа, дорогая! Я пересчитала всех, тыча пальцем в рисунок. Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь. По-прежнему все дома, все вместе. Моя родная семья.

Почти сразу после того, как я попала в Колонии, начался Второй этап войны. Но здесь про неё не говорили, как будто она шла где-то далеко-далеко, на другой планете. Через полтора года нам сказали, что военные действия на Земле прекращены. Войны закончились. Колонии, закрытые Щитом, не пострадали.

Вспомнилось, как после войны в первый раз получила от вас письмо. «Почтальон», естественно, привёз. И узнала, что

все живы, и Алёшка с Тимохой с вами. Тогда я даже плакать не могла. Смотрела тупо на крошечный листочек, не веря своим глазам. А сейчас почему-то слёзы, которые обычно сидят у меня глубоко внутри, хлынули по щекам. Я закрыла рот ладонями.

– Ты мешаешь мне... спать мешаешь.

– Что?! – я в ужасе обернулась. – Мне послышалось?

Лис лежал, закинув руки за голову, и смотрел на меня.

Это он мне сказал?! Не может быть!

Подобрал с пола ещё одного «паучка». Подкинул вверх, лампочка вспыхнула.

– Это ты сейчас говорил? – я не верила своим ушам. Даже поток слёз иссяк.

За всё время, пока я живу здесь, Лис не сказал мне ни слова. Ни одного! Я была пустым местом. Он и смотрел почти всегда мимо меня. Даже если стоял или сидел передо мной.

– Ты меня разбудила.

Он говорил очень медленно, почти по слогам, и тихо. Не на «общем» – на английском. Произношение было ужасное. Сел и не спеша стал натягивать рубашку, нисколько не стесняясь меня.

– Шрам на лице почти не виден, – сказала я, чтобы хоть что-нибудь сказать, и отодвинулась к стене.

Мой английский тоже не ах. В лесах школ не было.

Всё-таки «норка» очень мала. Двоим здесь тесно.

– Плечо заживает хорошо.

Лис кивнул, медленно застёгивая серебряные пуговицы. Застегнул.

– Это что у тебя? – быстро протянул руку и провёл пальцем по двум маленьким царапинкам – полосочкам крест-накрест – на моей груди в вырезе футболки. Фыркнул, когда увидел, что я покрылась гусиной кожей.

– Поцарапалась, – я попыталась отодвинуться.

Никогда не видела лица братца так близко. Обычно, как глаза его увижу, так сразу не по себе становится, поэтому физиономию и не рассматриваю. Когда он глазищи свои подводит, да ещё тени разноцветные накладывает, смотреть страшно. А так, без макияжа, сносно. Может быть, и правда красивый? Хотя мне-то что? Красивый и красивый! Кожа довольно светлая, с лёгким искусственным загаром, ровная, нежная, прямо девчачья. И зачем, спрашивается, такую кожу покрывать всякой дрянью? Взгляд тяжёлый, вопрошительный какой-то... Лис как будто все время о чём-то хочет спросить.

Я в глаза Алексу смотрю с удовольствием. Лису в глаза смотреть, оказывается, невозможно.

Я прижалась к стенке.

– Ты перестал краситься? Смотришь белая ворона.

– Тебе ведь не нравился мой макияж.

– И что? Если мне не нравится, краситься не будешь?

– А если не буду?

– Да мне-то что? Какое мне до тебя дело?

– Совсем никакого?

– Не смотри на меня так. Пожалуйста!

– Как «так»?

– Как маньяк. Вот как.

Я сжала кулаки и выставила их перед собой. Если начнёт приставать, буду бить.

– Не смотри так, говорю! Я тебе не Тутта Карлсон!

Глаза Лиса округлились.

– Какая Тутта?

Тьфу! Как разговаривать с необразованным человеком?

Лис взял мою руку, разжал кулак, перевернул ладонью кверху. Глубокий красный шрам выглядел отвратительно.

– Чикен! Ты дура!

Взлетел наверх по скобам. Лист-крышку просто вышиб кулаком. Через секунду свесился вниз и сказал по слогам:

– Эй, Чикен, камеру на кухне я отключил. Со своего компьютера. Пол года назад.

– Так огонёк горит.

– А огонёк горит.

Конечно, я дура, кто бы сомневался. И почему это я решила, что он будет ко мне приставать? Разве такие пристают к девочкам? Или к девушкам?

Всё-таки надо быть добрее! Могла бы сказать, что тебе, мол, лучше без косметики. Совсем даже хорошо! И не надо больше краситься! И папа бы моё поведение одобрил...

Интересно, про сегодняшний случай в кафе – ни слова. А

костюмчик-то я ему здорово попортила!

Странно, я получила от вас письмо, а думаю о Лисе.

В моей «норке» пришпилен к занавеске большой лист бумаги. Это окно. Сейчас там у вас началась зима. И у меня зима. Я нарисовала в «окне» падающий снег, монастырь, каким его запомнила, дорогу, домик у дороги, изгородь, деревья... У меня есть несколько зимних видов из окна.

У Кэт в комнате в «окне» – берег океана. Всегда один и тот же пейзаж. Океан шумит еле слышно, вернее, шумит компьютер.

У Шуанг – сказочный лес.

У Лиса – не знаю.

10

Кэт всего боится. Боится, что Ник её бросит. Боится, что Шуанг отберут. Думаю, она и с Ником живёт из-за дочки.

Шуанг у нас странненькая. То есть внешне всё нормально. Хорошенькая куколка. Но за ней глаз да глаз нужен. Такое учудит! То кашу по углам раскладывает – мышек кормит. Крысок то есть. Колонии всё-таки на Земле стоят. А крысы непобедимы! И попробуй эту кашу убрать. Таковую истерику закатит! Я уж и так и этак: мол, у нас живёт только одна крыса, с красивым именем Шуша, ей много не надо. Пришлось даже крыску позвать.

А Шуша на меня сердита из-за Лиса, из-за того, что в «но-

ру» его пустила. Но вышла.

Шуанг обрадовалась, засюсюкала, хотела беднягу схватить. Пришлось уговаривать Шушу разрешить погладить её по спинке.

То проберётся в комнату к Лису и костюм его зальёт красной краской.

А Лис трясётся над своим антиквариатом. Он это барахло или на аукционах покупает, или шьёт на заказ. И всегда всё тёмное.

То молчит целыми днями – ни со мной, ни с Кэт не разговаривает. То разговаривает с кем-то. И никого вокруг уже не видит.

Однажды пришла Тина. Посмотреть на моё житьё-бытьё. Кэт мне дифирамбы поёт. Тина с постным видом кивает. И тут выходит из комнаты Шуанг. В руках детское ведёрко. Встала возле Тины и будто бы воду с пола черпает и в ведро сливает. Ладонкой туда-сюда. И приговаривает:

– Здесь тёмная вода и здесь тёмная вода.

Наберёт как будто ведро, в угол выльет и опять наливает. На Тину и Кэт – ноль внимания.

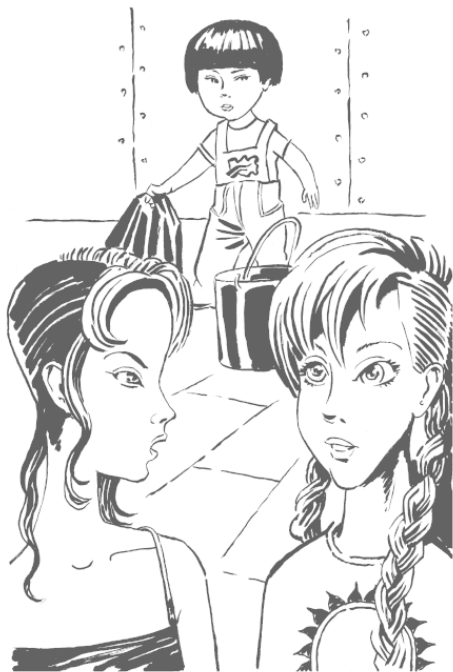
– Странная у вас девочка, Кэт. Вы показывали её врачу? Кэт, конечно, сказала, что Шуанг регулярно бывает у врача и что у неё всё в порядке.

Тут она слукавила. Мы ходили к врачу год назад. И у Шуанг странностей было меньше.

– К тому же Ник известный учёный, – лепетала Кэт.

– Ник Барлоу нам хорошо известен, – процедила Тина, – но он не врач.

Теперь Кэт боится и Тину тоже, поэтому я стараюсь, чтобы Тина к нам не приходила. Отмечаюсь у неё сама.

Вот Лиса Шуанг любит. За что, интересно? И не боится. Когда Лис дома, она глаз с него не сводит. С таким обожа-

нием смотрит! Только тот ей слова ласкового не скажет.

Сегодня Тина была на удивление доброй. Может быть, потому, что я прошла медицинский осмотр, и со всеми анализами у меня полный порядок, и сама я абсолютно здорова – здоровее не бывает. Она даже не поругала за то, что случилось в кафе. Посмеялась.

– Ты выросла, дорогая. Странно, что у тебя ещё нет бойфренда. И гёрлфренд тоже отсутствует. По-моему, – она посмотрела на экран компьютера, – ты даже не целовалась. Это такая редкость в нашей Колонии!

Утю-тю-тю! И чего же мы хотим?

С Тиной держи ухо востро.

– Да некогда мне с кем-то встречаться. Ты же знаешь, я работаю. Кэт по дому помогаю. Учиться дальше хочу.

– Ты очень развита для своего возраста. Даже читаешь. Кстати, я тут новые тексты для тебя скачала. Но... – тут Тина изобразила на лице некоторую игривость. – Нужно не забывать, что ты красивая девушка! У тебя должна быть личная жизнь. Ты имеешь на неё полное право.

– Но я ещё не собираюсь выходить замуж!

Тина искренне и громко рассмеялась. Покачала головой, словно удивляясь моей необразованности:

– Что за архаизмы ты употребляешь, Лиза? Всё-таки ты очень несовременная! Потому и трудно тебе найти общий язык со сверстниками. Глупенькая, кто сейчас выходит замуж? За мужчин цепляются такие слабые и неуравновешен-

ные особы, как Кэт. Всё это уже в прошлом... Институт брака здесь упразднён. Сколько из-за него было всяких ненужных дискуссий, волнений, беспорядков там, на Земле! Кто должен сочетаться браком, кто не должен?! Да и там он уже до войны изживал себя. Мы, старое поколение, о нём ещё помним. И ты, к сожалению, но это издержки домашнего воспитания... В твоей прошлой жизни...

Тина замолчала. Ага, хотим перейти к моей семье.

– Что, Тина?

– Да нет, ничего. Не нужно вспоминать то, к чему возврата нет, правда?

Она потрепала меня по щеке.

Возврата нет! Это мы ещё посмотрим!

Тина долго мурыжила меня в своём кабинете. Всё вокруг да около ходила, а потом спросила:

– А где твои колечки, дорогая? Покупаешь и не носишь?

Я сделала ну очень огорчённое лицо.

– Тю-тю мои колечки. Представляешь, пошла купаться, положила их в платок и вроде бы в карман засунула. И забыла про них, конечно. А потом хватилась – нет! Всё обыскала. Даже не знаю где посеяла.

– И никто не находил?

– Да я и не заявляла.

– Напрасно. Значит, все твои труды впустую. Работала, работала... Кстати, а куда ты ходишь купаться?

– Только к морю.

– На пятый уровень?

– Это святое. Море для меня – всё.

Море я и вправду люблю. Там всё, как на самом деле: песок, зонтики, вода голубая, волны, даже горизонт обозначен. Солнце пусть ненастоящее, но светит и греет. Места там много. Если из кафе выгонят, то я на море пойду работать. Буду сочинять на компьютере морские пейзажи: лунная ночь на море или шторм... В воду заходить нельзя.

Если на пляж приедут Лис с компанией, то на море обязательно будет шторм.

11

Получив письмо, я несколько дней была сама не своя от счастья. Я любила всех. Даже Лиса, даже его компанию. Даже вредную Риту (или Сьюзи). Короче, и ту и другую.

Я носилась по залу от столика к столику и расточала улыбки направо и налево. Ничто не могло испортить мне настроение.

Обычно радуюсь, что в нашем кафе не танцуют – желающие танцевать уходят в «Петер» по соседству, а тут пожалела об этом: так хотелось сплясать что-нибудь этакое, «с выходом из-за печки», как бы Марфа сказала.

Конечно, я поплакала пару ночей. Жду, жду письмо, а получу – плачу. Потом начинаю светиться от счастья, что все мои живы.

Через несколько дней беру себя в руки – пора искать возможность отправить весточку: я жива, у меня всё хорошо, я вернусь.

Я ещё не придумала, как это сделать. Но придумаю обязательно!

В кафе пришёл Здоровяк. Спецназовец. Я его сразу разглядела. У нас в основном молодёжь. И всё больше «золотая» или «позолоченная». Ни «цыплята», ни работяги сюда не ходят. Не то чтобы запрещал кто, а как-то исторически так сложилось. Когда я появилась здесь, круг постоянных посетителей уже обозначился. В основном местные, то есть живущие в нашей Колонии, но кое-кто прилетает постоянно из других: из 8-й, 11-й – из так называемых срединных Колоний. В Колониях или учатся, или работают. Чтобы совсем без дела сидели – такого нет. А по вечерам отдыхают. Мест для отдыха много, но разнообразием не отличаются. В каждой Колонии – «море».

Интернета и сетей теперь нет. Нужно как-то общаться непосредственно. Разговаривать. А это для них непривычно. Молчат больше. Даже музыку иногда выключают: не могут решить, какую слушать.

Посетители нашего кафе – молодые и красивые. Богатые, в основном.

Здоровяк эту традицию нарушал, хотя и одет был в костюмчик с иголки. Годочков ему было далеко за тридцатник, ну и вообще – с такими рожками здесь не ходят. Косме-

тики на лице нет. Это мне даже понравилось. Только наглый до ужаса, сидит, развалившись, и на косые взгляды клиентов – ноль внимания. И, главное, на мой ряд сел. Я виду не подала, что забеспокоилась. Подъехала.

А он мне на меню показывает:

– Что-то не разберу название, написано мелко.

Я наклонилась, он – хватать за руку:

– Поговорить надо.

– Не о чем мне с тобой говорить! – отвечаю шёпотом. – Расплатилась – и всё, разошлись как в море корабли.

– Значит, по-хорошему не хочешь со мной...

– Ни по-хорошему, ни по-плохому!

– Я тебе, Чикен, все каналы перекрою наружу, – шипит.

– Попробуй! – Мне остаётся только делать вид, что я ничего не боюсь.

– Какие-то проблемы? – это Поль сзади подошёл.

– О, нет! – Здоровяк поднялся и потрепал меня по щеке. – Ах, до чего же «цыплёночек» сладенький! Спешу, спешу, не успеваю. В следующий раз обязательно зайду.

– Боже, кто это? – элегантный, как всегда, Поль проводил глазами Здоровяка.

– Да так, один тип. Знакомится.

Я украдкой посмотрела в сторону Лиса. Показалось, или он тоже взглянул на меня? Костюмчик на нём скромнее, чем обычно. И причёска поаккуратнее. Папа бы не одобрил, но, как говорится, всё познаётся в сравнении.

Ой, он сегодня прямо «луч света в тёмном царстве»! Только этот «луч» бледноватый какой-то без макияжа. А потому что не жрёт ничего! Дома можно поесть, так нет, сюда приходит гадость искусственную лопать. Во глазами как сверкнул! Словно мысли мои читает!

– Лиз, ты кого всё время выглядываешь? Бормочешь что-то?

– Смотрю, не нужна ли кому?

– А, ну-ну...

А вечером понесло меня к Алексу. Я тебе про него рассказывала. Про Алекса рассказывать легко. Мы познакомились на концерте в детском доме. Он играл на фортепьяно, а я пела. Никому моё пение было не нужно. Не тот репертуар. Ребята скучали и старались попасть в меня из зала жвачкой. Когда я допела, Алекс вышел из-за фортепьяно и начал аплодировать. «Ты должна учиться петь. Станешь знаменитой певицей!».

А когда я показала свои рисунки, вообще зауважал. Но сказал, что всё-таки пою я лучше, чем рисую. И разбрасываться не стоит. Алекс улыбался – и это было так здорово! В детдоме улыбались редко.

Там, снаружи, никто не обращал внимания кто с кем встречается. Детдом перед войной переполнен был. Слышала, директриса орала на инспекторшу из Службы семьи: «Эта мне зачем? У неё родители живы! Ну и пусть, что семья священника. Везите в интернат обратно! Совсем рехнулись со

своими ювенальными законами! Война уже близко! Мне детей кормить скоро нечем будет!»

А та в ответ спокойно так: «Не положено. Религиозное воспитание нарушает права ребёнка».

Алекс родом из Калининграда. Я радовалась, что и здесь мы сможем разговаривать на родном языке, но Алекс решил, что нужно жить по правилам: раз нельзя на русском – значит нельзя. А на «общем» говорить неинтересно, поэтому как там, в детдоме, подолгу мы уже не беседуем.

Алексу я доверяю, и он знает про письма. Правда, не одобряет, потому что боится, как бы об этом не разнюхали в Службе семьи и не отправили бы меня куда-нибудь на фермы, где работают почти все наши детдомовцы – «цыплята».

Он очень серьёзный человек и многого не одобряет. Например, то, что, когда с меня сняли крестик, я нацарапала крест на груди стеклом. Рана воспалилась и долго не заживала. Алекс сердился и говорил, что это религиозный фанатизм, что это плохо повлияет на мою здешнюю карьеру. Но, ты сама понимаешь, здешняя карьера меня волнует мало.

Радостью, что все вы живы, с Алексом я ещё не поделилась. Хотя понимаю: влетит мне за письмо.

Папе Алекс обязательно бы понравился, мам. Положительный. Конечно, я сбегу отсюда рано или поздно, но лучше бы с ним. Только Алекс об этом и слышать не хочет. Говорит, что нужно привыкать к этой жизни, что другой уже не будет. А я не могу привыкнуть, никак не могу! Мне даже дышать

тут тяжело, хотя по сравнению с воздухом, который там, у вас, наш – в полной норме. А дозу искусственного солнца каждый колонист получает ежедневно. Терпеть не могу эти процедуры!

Алекс говорит, что я долго жила на воле и в родной семье. Таким, как я, трудно адаптироваться к новой жизни.

Представила вдруг почему-то, что знакомлю вас не с Алексом, а с Лисом.

«Папочка, это Лис, то есть Люк...»

Ой! Лезет же в голову такая чепуха!

Алекс немного похож на Алёшу. Только волосы потемнее, но такой же высокий и сероглазый. Встречаемся, правда, редко: раз в две недели я обязательно приезжаю к нему, и мы идём в кафе, где Алекс по вечерам играет на синтезаторе. Иногда он заходит в наше кафе, садится за столик и ждёт, когда я закончу смену. Провожает домой.

До седьмого уровня я добиралась автобусом, на шестой спустилась на лифте...

Алекс работает в фирме, обслуживающей вентиляционное оборудование, здесь же, на шестом. Его крохотная комната в общежитии была заперта. Ругая себя, что не разузнала заранее, где он будет вечером, я покаталась взад-вперёд по улице возле подъезда. Мобильной связи у нас в Колониях нет. То есть, конечно, связь есть, но, чтобы поговорить с Алексом, нужно набрать на табло номер его фирмы, а там спросят, кто я и откуда, зачем нужен мне Алекс. Конечно, в

Службе семьи и так всё знают, но лишний раз светиться не хотелось. А так, вдруг проглядят?

Автобусики по этому уровню Колонии ходят редко – утром, когда людей на работу везут на другие уровни, и вечером, когда везут с работы.

Колонии внутри напоминают муравейники. Я никогда не видела их со стороны – окон в квартирах, настоящих окон, стеклянных, нет, и в «стрелках» нет иллюминаторов. Но, говорят, похожи на огромные муравейники или пирамиды и снаружи: дороги, лестницы, лифты соединяют между собой 20 уровней: 5 уровней под землёй и 15 над землёй. На каждом уровне – жилые помещения, офисы, кафе, магазины. Для предприятий промышленных и ферм построены отдельные Колонии.

Я покаталась ещё немного и решила наконец, что ждать Алекса не буду и в кафе, где он играет, не пойду – далеко. Прикинула, что до центрального лифта пилить и пилить, но по боковым лифтам с переходами дорога будет ещё дольше. И поехала к центральному. Народу на улице в этих местах никого почти, все в кафешках сидят на пару уровней выше или дома. Не то чтобы страшно, но приятной такую прогулку не назовёшь.

Здоровяк догнал меня возле последнего поворота к лифту. И он был не один. Парень, помоложе Здоровяка, в серой лётной куртке, присел на скамейку.

Садик, куда я заехала по тропинке, желая сократить путь,

густой, наполовину искусственный. Здесь и днём редко кто бывает, рабочий уровень-то, гулять некому, а теперь вечер, и электричество экономят – тем более пусто.

– Ну-ка, притормози, детка! Поговорить надо.

Вот привязался! Ролики всегда меня спасали, а теперь подвели. По газону не поедешь. Я завертела головой в поисках камер: самая ближняя – у входа в лифт. А здесь, выходит, «слепая» зона. Ну, конечно, какой дурак пойдёт сюда вечером? Да никто. Вернее, есть одна дура. Я.

Здоровяк прижал меня спиной к себе одной рукой, а другой больно дёрнул за волосы, когда я попыталась пнуть его по ногам.

Приятель громко ржал, но пока не подходил.

– Стой ты на месте! Поговорить нужно! Сказал ведь...

– Отпусти! – я извивалась в его руках и всё без толку.

– Да не дёргайся... Тише!

– Я в полицию пожалуюсь или инспектору! Тебя в тюрьму отправят!

– Ненормальная! Ходит по вечерам в таких местах. Вот поразвлечётся с тобой кто-нибудь, твой инспектор и поставит на тебе жирный крест. Кому будешь нужна такая?!

Я поджала ноги и ударила роликами изо всех сил Здоровяка по ногам и, видно, хорошо попала, потому что он выпустил меня на секунду.

– Ах ты дрянь! Дога, ты что сидишь?

Дружок Здоровяка метнулся ко мне. И тут, как в сказке,

из-за кустов появился запыхавшийся Алекс. Удивлённо посмотрел на всех:

– Э, ребята, что здесь происходит?

Я тут же юркнула за его широкую спину. Спасена!

Алекс ростом не уступал Здоровяку. Драться он, правда, не любил: руки берёт. Но Здоровяк этого не знал, да и в его планы, очевидно, не входило устраивать драку.

– Никаких проблем, парень. Ошибся. Думал, подружку повстречал, а она меня не узнала. Подшутить решил.

И они с Догой зашагали к центральному лифту.

Алекс повернулся ко мне:

– Еле догнал. Почему не дождалась? Увидел, как ты за угол заворачиваешь. Кто это?

– Стоп! Дай отдышаться. Это... – я посмотрела вслед Здоровяку. – Это... А ну его! Давай до бокового прогуляемся, если время у тебя есть...

Сердце ещё бешено колотилось. Я поехала потихоньку рядом с Алексом, болтая о каких-то пустяках. Алекс молчал.

– Это «почтальон» последний, – пришлось признаться.

– Я же тебя предупреждал! – Алекс даже остановился. – Лиза, как тебе ещё внушить: прекращай общаться с «почтальонами»! Можешь наткнуться на такого, который или в полицию сдаст, или в Службу семьи, или...

Алекс запнулся и посмотрел вверх моей головы. Я обернулась. Прислонившись к стене, в каком-то немыслимом, как всегда, впрочем, наряде, в нескольких шагах от нас сто-

ял Лис.

«А он-то что здесь делает?»

Я выдержала его недобрый, надо сказать, взгляд и, пытаюсь сделать вид, что ничуть не удивлена появлению братца в таком неподходящем для него месте, ухватила Алекса под локоть и потащила в сторону.

– Ты чего раскраснелась, а? – Алекс похлопал меня по руке.

– Пошли быстрее. – Я поехала вперёд, чувствуя, что щёки просто полыхают.

«С чего бы это, действительно?»

– Да стой ты, я же не на роликах! – Алекс придержал меня за руку. – Смешная ты, Лиза.

Я не удержалась и обернулась.

Лиса уже не было.

Мы добрались до одного из боковых лифтов, и Алекс не успокоился, пока не вызвал с пульта рядом с лифтом такси. Он, конечно, хотел зайти со мной в кабину, но я помахала рукой, прощаясь... Всё в порядке! Народ в лифте есть, я не одна.

Алекс пожал плечами, покивал мне, улыбаясь. Но улыбка была какой-то невесёлой. А я почувствовала себя просто свиньёй. Даже «спасибо» человеку не сказала. И всё из-за братца! Он меня просто выбивает из колеи иной раз. Что ему понадобилось здесь?

На десятом уровне таксисту пришлось заехать в «кар-

ман» – мимо нас на огромной скорости пролетела красная машина. Одна такая в нашей Колонии. Если бы не чётко работающая электронная система регулировки, которая вовремя сигналила впереди идущей машине пропустить лихача, Лис бы побивал всех на фиг. Ой, опять вырвалось!

И как это он никого не боится: ни полиции, ни Службы семьи? Конечно, братец – сын знаменитого Барлоу. К тому же Ник входит в правительство Колоний, он один из тех, кто всё это создавал. Но если та же всемогущая Служба семьи предъявит претензии к Барлоу из-за плохого воспитания сына, Ник ничего не сможет сделать. Был уже случай, когда сын одного из совета Колоний что-то натворил. Отправили на Землю.

Дорога к дому заняла много времени. Снаружи и внутри Колоний уже была ночь.

Вот бы посмотреть, светят ли ещё настоящие звёзды там, у вас? Здесь на каждом уровне над дорогой зажигаются маленькие лампочки-звёздочки, светятся фонарики на стенах – иллюзия ночного времени.

12

Кэт ещё не спала. В гостиной горел свет, перед телевизионной стеной мелькали какие-то фигурки, шёл фильм, звук был выключен. Кэт сжалась в кресле, в руках стакан. Я извинилась за поздний приход, но она словно и не слышала.

– Принести чай? – я виновато потопталась рядом.

– Они её заберут! – Кэт всхлипнула и сделала большой глоток. – Они её заберут!

Так всегда: стоит задержаться, как в этом семействе что-то происходит!

Я присела перед Кэт, заглядывая снизу ей в лицо.

Красивое личико Кэт было зарёвано. Увидел бы Ник, разозлился: он терпеть не может, когда Кэт ревёт.

– Шуанг вызвали к психиатру. На следующей неделе. На обследование. Это Тина, сука, постаралась. Это она. Я её убью, убью!

– Тише, тише, Шуанг проснётся.

Кэт затряслась так, что виски выплеснулся ей на колени.

Со мной что-то происходит в последнее время: становлюсь сентиментальной. Я никогда раньше не обнимала Кэт и не целовала. Она никто мне. Я просто временно живу в их доме. Да и не принято здесь обниматься. Но сейчас, мамуль, я её обняла. Само собой как-то получилось.

Кэт зарыдала, прижавшись ко мне.

– Лиза, Лиза, что делать?

– Нужно с Ником связаться, пусть он вмешается.

– Он ненавидит, когда его беспокоят, а вернётся только через две недели. И ты думаешь он будет нас защищать? Он никого не будет защищать!

Стакан, поставленный мимо стола, упал и покатился по полу.

Кэт вдруг схватила меня за плечи:

– Он тебя слушает! Поговори с ним!

Это, конечно, странно, но Ник действительно относился ко мне неплохо. В его редкие приезды домой он требовал, чтобы я сидела вместе со всеми за столом, расспрашивал о том о сём. Ему нравилось, когда я рассказывала о прочитанных книгах. Смеялся, когда изображала посетителей кафе. Может быть и правда попробовать поговорить?

Машина Лиса стояла в гараже. Он наверху у себя или...

Дверь в кладовку была чуть приоткрыта. Предчувствия меня не обманули!

Так. Так. Так. Вспомнила, что есть в холодильнике. От ужина остался приличный кусок пирога с «вишнёвым» джемом. Я быстро разогрела его, разрежала на две части, положила в корзинку. Туда же – термос с чаем, чашку для Лиса... Салфетки в «норке» есть. Лис не потрудился даже задвинуть плиту. Вот... Ну что тут сказать?!

Братец в тёмно-синем, почти чёрном, с вышивкой, камзоле полулежал на ящиках, рассматривая мои рисунки. Принц, блин!

Пошарил по полкам. Как дома, честное слово! Если бы не Шуанг, высказала бы всё, что накопилось. Но я, не говоря ни слова, аккуратно разложила на ящичке салфеточку, поставила две кружечки: одну свою, драгоценную, ещё из дома, другую гостевую, хотя гостей здесь не бывало до сих пор. Стала вынимать провизию из корзинки, раскладывать по та-

релкам. Налила чай.

Лис наблюдал за мной, но молчал. Физиономия смурная. Поглядывал сурово.

– Ты не ужинал? Проголодался? Я задержалась немного.
«Что мелю?!»

Лис спустил с лежанки ноги в коротких мягких сапожках, сел, но встать и уйти не порывался. Сегодня в «норе» опять было жарко. А вот от него, как всегда, пахло свежестью. Надо же! Тут же я подумала, что не успела сходить в душ. Села подальше. Откусила кусок пирога, уговаривая себя не спешить, не волноваться и не подавиться.

«Будет братец есть или не будет?»

Лис посидел, уставившись в одну точку. Потом подвинул к себе мою кружку.

– Э, это моя, из дома ещё... Ладно, ладно, если тебе понравилась, пей из неё.

Всё-таки я добрая! Из-за этой кружки мне пришлось дважды драться насмерть в детдоме на Земле. В конце моего пребывания там все знали: Лизины вещи не замать! Папа бы не одобрил... Но не драться же мне сейчас!

– Ещё бабушкина. Хорошо, что не бьётся. Не дожила бы. Лис взял кусок пирога. О! Невероятно! Ест мою стряпню! Неудобно сразу заикаться о деле. Подожду.

Лис ел с аппетитом и был похож на обычного человека. Даже в своих кружевах. Жаль, я не приготовила «чего-нибудь посущественнее», как сказала бы Марфа.

Лис допил чай, поставил кружку, вытер губы салфеткой.

Вот сейчас спрошу... И тут Лис провёл рукой по моему стриженому затылку. Быстро и легко. И как-то нежно.

– Ты и вправду ни на кого не обижаешься или притворяешься?

– А... – я и не поняла сразу о чём он. – Ты про косы?

Лис кивнул.

Надо же! А я думала, что он давно забыл про них.

Дело в том, мамуль, что твоя дочь – как бы помягче выразиться – с головешкой дружит плохо. Стыдно вспоминать: получилось всё – глупее не бывает. Ещё до той истории с раненым Лисом возвращалась я от Алекса, и нет чтобы такси вызвать, – поехала на лифте на свой уровень. А площадка у лифта со стороны лестницы огорожена уже с месяц – ремонт. У нас теперь постоянно ремонты. И вдруг подлетают ко мне Сьюзи с Ритой (Добчинский и Бобчинский) всполошенные такие:

– Лиза, там Люк! Иди скорее! Что делать?

Короче, ай-я-яй, ой-ё-ёй!

Возле ограждения вся их компания толпится, вниз смотрит. Я глянула, а там... Мам, там Лис висит над пролётом, уцепившись за какую-то перекладину. Как держится, непонятно! И не дотянуться! Вокруг орут, суетятся, у меня голова пошла кругом. Рита кричит:

– Верёвка нужна!

А верёвки нет. И тут Сьюзи шепчет:

– Лиз, если твои косы связать – можно достать до Люка.

И что ты думаешь, я – недоумок просто – начинаю отрезать косы ножницами – кто-то ножницы тут же протянул. Стараюсь, тороплюсь, пыхчу – ножницы режут плохо! Отрезала. Голову подняла... А этот... нехороший человек стоит у заграждения как ни в чём не бывало, манжеты кружевные поправляет.

Все от смеха просто падают! Рыдают. Ну, очередная капля терпения лопнула!

Я к нему подъехала, косы вокруг его шеи завязала узлом, хорошо, что не придушила от злости:

– На память, – говорю. – Носи на здоровье!

Глазами сверкнул. А я повернулась и домой поехала.

Ночью поплакала, но так, не особенно долго. С короткой стрижкой даже легче. С косами, знаешь как я мучилась? А сейчас у меня стрижечка – загляденье! Чёлка на глаза падает – непривычно. Но парикмахер сказал, что стильно. Правда, до сих пор иногда в кафе слышу: «Эй, Рапунцель, тащи пиво!»

– Меня в детдоме, там, снаружи, уже стригли. Растут быстро... Отрастут. А если я буду обижаться, не выживу. А что, совесть замучила?

– Ты хочешь выжить? – вопрос про совесть Лис проигнорировал.

– А ты нет?

– Мне всё равно.

– А мне не всё равно. Меня дома ждут.

Ляпнула всё-таки.

– У тебя есть дом?

– У меня есть родная семья. Мама, папа, братья, сёстры.

– Эти? – Лис достал из-под подушки крохотный смятый листочек.

– Ты что, всё обыскал здесь? – от возмущения я вскочила с места, ударившись больно о край ящика. – Послушай, я тебя сюда впустила, потому что тебе нужна была помощь. А ты, как лисичка со скалочкой, честное слово! Выживешь меня отсюда в конце концов! У тебя же есть свои комнаты, и без Контроля!

Лис снова улёгся, закинул руки за голову:

– Мне здесь нравится.

И закрыл глаза.

Я вздохнула и села на край ящика.

«Нравится ему, видите ли! Ничего себе!»

Ещё вчера мне хотелось сменить картинку на стене, даже начала рисовать вечерний закат. Вот и буду сейчас дорисовывать. Я у себя, в своей собственной «норе»!

Прикрепила «паучок» на доску с пришпиленным листом бумаги. Папку с бумагой для рисования – драгоценность в Колониях – подарили мне Шуанг и Кэт на день рождения. И краски, и мелки, и карандаши.

– Ты хорошо рисуешь, – пробормотал сонно сытый Лис.

– Ага, ещё пою и танцую.

Некоторое время я делала вид, что полностью поглощена рисованием.

– Ты, может быть, пойдёшь к себе?

Молчание.

«Во даёт, уже заснул. Или притворяется?»

Я нагнулась к Лису. Без косметики вид у него какой-то беззащитный. Невинный. Правда, правда!

И что мне, мамуль, делать?

Поговорить с папой сегодня не удалось.

13

Я рисовала до четырёх утра. Стараясь не шуметь, собрала корзинку, вылезла наверх и помчалась в душ. Торопилась, роняла всё, до чего дотрагивалась. Спустилась вниз с мокрой головой. Уф! Успела. Лис ещё спал.

Я свернулась на одеяле возле ящиков и закрыла глаза, надеясь, что уход Лиса не пропущу.

Когда проснулась, увидела над собой глаза братца. Он свесился с ящиков и смотрел на меня очень внимательно. Не успела я и рта раскрыть, как Лис сорвался с места и взлетел по скобам.

– Эй, доброе утро... некоторым, которые выспались, – я выскочила следом и еле догнала его на кухне.

– А по-моему, кто-то крепко спал и даже сопел.

– Прости, если мешала.

Лис пожал плечами. Заспанный, лохматый, в мятом расстёгнутом камзоле... Домашний такой. Родственничек.

– Ты на работу сегодня полетишь? Можно тебя попросить отвезти меня к Нику? Очень нужно, – выпалила я.

Исторический момент! Гремите, трубы! В первый раз я обращаюсь с просьбой к братцу.

Ещё совсем недавно и в голову бы такое не пришло: просить что-либо у Лиса. Сейчас скажет презрительно: «Чикен!», развернётся и уйдёт.

– На часок надо бы слетать. Если ты приведёшь себя в порядок, оставишь здесь свои дурацкие ролики, то отвезу. Через полчаса будь готова.

«Ура! Кстати, почему это ролики дурацкие? Молчу, молчу...»

– Я туфли надену.

– Валяй. И кофе свари, раз уж такая... послушная.

– Это ты добрый сегодня, спасибо!

– Вот, Чикен! Поклонись ещё.

Быстренько, быстренько наверх. Ой, совсем забыла про камеру в комнате! Теперь объясняться, где ночевала. Заснула на кухне, на диване, – так и скажу.

Ладно, это потом.

Ну и видок! Что за копна на голове? Быстрее, быстрее! Намочить голову, феном посушить, пригладить. Хорошо, что не крашусь.

Что же надеть? Что же надеть? Что же НАДЕТЬ?!

Лис был, как всегда, во всей красе.

Без роликов я смотрю на него чуть снизу.

Ник удивился, когда ему сообщили, что мы прилетели вдвоём, но не рассердился. Нас провели в большое, хорошо освещённое помещение. Лис тут же уселся вальяжно на диван. Я потыкалась нервно по комнате, рассматривая книги, цветы, картины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.